

№ 389
- 38

Издание 2-е, исправленное и дополненное

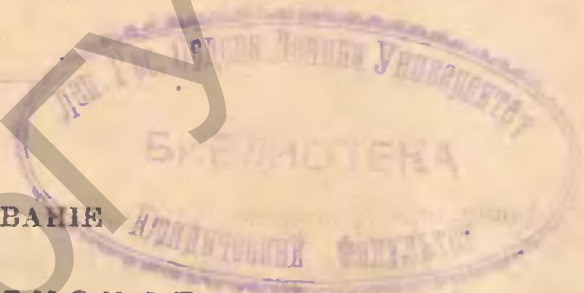
~~№ 534~~
~~4474~~

О КЛЕПТОМАНИИ

(ВРОЖДЕННОЙ НАКЛОННОСТИ КЪ ВОРОВСТВУ)

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Николая ПЛИСКАГО

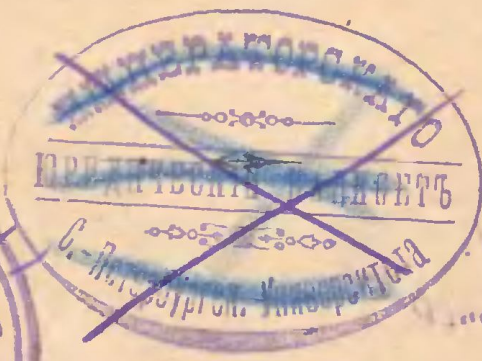

220098 у. нр.

Издание юридического книжного магазина

Н. К. МАРТЫНОВА

коммисіонера государственной типографіи

~~С.-Петербургскій Институтъ~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12

1893

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловіе автора	5
Глава I. О kleптоманіи вообще: о признакахъ, по которымъ похищеніе вслѣдствіе kleптоманіи можно отличить отъ воровства вообще; о наказаніи kleптомановъ	9
Глава II. Примѣры похищеній вслѣдствіе kleптоманіи во Франціи и въ Италіи: Богро, каторжникъ Дегамъ, современная Французженка-kлептоманка и Висконти	14
Глава III. Kleптоманы русскіе провинціальныя	19
Глава IV. Kleптоманы петербургскіе	32
Глава V. Kleптоманія у птицъ	36
Глава VI. Злоупотребленіе именемъ kleптомани. Римскіе супруги, обманувшіе психіатра	38
Заключеніе	40

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Nihil admirari, non indignari, sed intelligere. Spinoza *).

Aller Anfang ist schwer.

Sprichwort, т. е.

Всякое начало трудно.

Поговорка.

Я зналъ лично нѣсколькихъ клептомановъ и слышалъ отъ многихъ даже прекрасно образованныхъ людей рассказы о нѣкоторыхъ другихъ; но, замѣчательно, что никто не называлъ ни одного изъ этихъ несчастныхъ больныхъ *клептоманомъ*, то-есть *человѣкомъ*, одержимымъ врожденной склонностью къ воровству **), а всѣ бранили ворами, большею частью наивно удивлялись мнимой испорченности и нравственной распущенности непризнанныхъ больныхъ.

Непризнанныхъ, говорю я, потому что какъ юриспруденція, такъ и психіатрія, и медицина совершенно игнорируютъ существованіе клептоманіи, несмотря на то, что эта болѣзнь извѣстна была уже древнимъ грекамъ, какъ показываетъ самое названіе ея.

Во множествѣ сочиненій медицинскихъ, юридическихъ и даже собственно психіатрическихъ тщетно разыскивалъ я хоть намекъ на существованіе клептоманіи. Даже такіе *спеціалисты* по психіатріи, какъ докторъ А. Зольбригъ, профессоръ психіатріи и главный врачъ лечебницы для помѣшанныхъ, въ Мюнхенѣ, въ сочиненіи своемъ подъ названіемъ: „Преступленіе и сумашествіе. Посobie къ діагностикѣ въ сомнительныхъ случаяхъ душевныхъ болѣзней для лекарей, психологовъ и судей“, — совершенно игнорируетъ существованіе клептоманіи, не упоми-

*) Ничему не слѣдуетъ удивляться, ни отъ чего не должно приходить въ негодованіе, а все—понимать. Спиноза.

***) Отъ греческихъ словъ *клепτος*—воръ и *маніа*—одностороннее помѣшательство.

наетъ даже ни объ одномъ изъ фактовъ, доказывающихъ, что воровство бываетъ нерѣдко слѣдствіемъ не испорченности, корыстолюбія или крайней нужды, а при полномъ отсутствіи всѣхъ этихъ факторовъ присвоенія чужой собственности. Точно также умалчиваетъ о клептоманіи докторъ И. А. Сикорскій, въ его сочиненіи: „Типы психическихъ явленій въ сферѣ нормальной и патологической“, докторъ Мейнертъ и всѣ другіе психологи, насколько мнѣ извѣстно.

Ничуть не любезнѣе, или, лучше сказать, не человѣчнѣе, отнеслись къ несчастнымъ клептоманамъ и господа юристы: какъ въ законахъ, такъ и при судебныхъ слѣдствіяхъ, въ особенности въ рѣчахъ защитниковъ, легко найти, какъ и у психіатровъ, не мало общихъ сужденій о психическихъ болѣзняхъ вообще, о различныхъ монomanіяхъ даже, но за исключеніемъ, однако-жъ, клептоманіи!..

Несмотря на все это, я не могу согласиться съ докторомъ Сикорскимъ въ томъ, что будто-бы „опредѣлить сущность психическихъ процессовъ также трудно и даже невозможно, какъ опредѣлить природу электричества или сущность всеобщаго тяготѣнія и другихъ физическихъ агентовъ“. Физическая и психическая стороны мировой дѣятельности во всемъ живущемъ находятся въ столь тѣсной связи другъ съ другомъ, что психическія явленія, по большей части, суть ничто иное, какъ прямое слѣдствіе анатомическаго или чисто физическаго строенія тѣла. Докторъ Мейнертъ волюнѣ правъ, говоря, что „умозаключеніе, въ смыслѣ прямой послѣдовательности мыслей, есть выраженіе анатомической связи нервныхъ клѣтокъ и нервныхъ центровъ“. Если въ этой связи случается какая-нибудь незамѣтная почти аномалія, то она, несомнѣнно, имѣетъ значительное вліяніе на всю жизнь человѣка, у котораго она образовалась еще до рожденія его, и заставляетъ его дѣйствовать, по мнѣнію большинства, странно, аномально, непонятно для него самаго, въ продолженіи всей жизни. Противоположное же мнѣніе составляетъ прямой непремѣнный результатъ недостаточнаго изученія анатоміи и незнанія даже началъ, азбуки психіатріи.

Многіе мировые физическіе агенты, о которыхъ упоминаетъ г. Сикорскій, гораздо менѣе удобны для анализа, будучи чуждыми намъ по природѣ, изолированы и главное неуловимы. Физическую-же природу человѣка хотя и трудно изучить волюнѣ,

но гораздо удобнѣе, а многіе ученые громаднымъ количествомъ изслѣдованій доказали уже тѣсную связь духа и тѣла и зависимость перваго отъ послѣдняго.

Уже въ глубокой древности, передовые мыслители, преимущественно греки, интересовались психическими явленіями и дѣлали попытки разъяснить ихъ, но, къ сожалѣнію, всѣ эти попытки были неудовлетворительными. У древнихъ грековъ образовалось, такъ сказать, двѣ школы изслѣдованій психическихъ явленій: послѣдователи первой изъ нихъ смотрѣли на психическія явленія, какъ на метафизическую область, выходящую изъ предѣловъ внѣшней природы, а другіе, напротивъ, видѣли въ нихъ обыкновенныя явленія природы. Самымъ выдающимся представителемъ перваго взгляда былъ философъ *Платонъ*, а втораго придерживались большею частью врачи съ *Гиппократомъ* во главѣ.

Болѣе близокъ къ опредѣленію истинной причины аномальныхъ психическихъ явленій докторъ Зольбригъ, который, въ упомянутомъ уже мною сочиненіи, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Ненормальное устройство мозга слѣдуетъ признать основаніемъ тѣхъ случаевъ комбинацій моральныхъ недостатковъ и дѣйствительнаго умственнаго расстройства, гдѣ первые или имѣютъ дѣйствительное значеніе момента, предрасполагающаго къ умственному расстройству, или сопровождаютъ, какъ составная часть, самостоятельное наступившее помѣшательство и гдѣ притомъ индивидуальный колоритъ случая таковъ, что *in concreto* ясно *кажется*, будто преобладаетъ моральный недостатокъ, тогда какъ въ дѣйствительности преобладаетъ моментъ *психопатологическій*“.

Съ сущностью этой идеи согласно большинство современныхъ психіатровъ и знаменитѣйшій изъ нашихъ—профессоръ *Стеченовъ*, въ своихъ „Рефлексахъ головного мозга“, доказываетъ почти тоже.

Такъ какъ я не принадлежу ни къ числу извѣстныхъ писателей и ученыхъ, ни къ числу медиковъ или юристовъ, то мой починъ въ дѣлѣ разрѣшенія вопросовъ, заданныхъ человечеству самымъ многовѣковымъ существованіемъ этой болѣзни, несомнѣнно навлечетъ на меня только многочисленныя нападки

тѣхъ ограниченныхъ людей, которые воображаютъ, что по спеціальнымъ вопросамъ никто изъ не специалистовъ

«Не долженъ смѣть
Свое сужденіе имѣть!»

Но я рѣшаюсь опубликовать плоды моихъ многолѣтнихъ стараній—ознакомиться съ этой странной, загадочной болѣзнью и собрать побольше фактовъ, которые могли-бы убѣдить въ дѣйствительности ея существованія и „Ому Невѣрнаго“, рѣшаюсь потому собственно, что, вѣроятно, кто-нибудь изъ хорошихъ психіатровъ обратитъ надлежащее вниманіе на эти замѣтки и сочтетъ ихъ годными стать краеугольнымъ камнемъ предстоящей постройки зданія для изученія заброшенной, такъ сказать, отрасли психіатріи. Въ такомъ случаѣ я буду вполне вознагражденъ за предстоящія нападки. Къ величайшему моему сожалѣнію, я лишень теперь возможности продолжать изученіе вопросовъ, поверхностно изложенныхъ мною въ этой статьѣ; но, положя руку на сердце, я могу повторить слова Тацита, если не ошибаюсь: „Quod potui-feci; faciant meliora potentes!“ то-есть, что я могъ—то сдѣлалъ: пусть сдѣлаютъ лучше тѣ, которые смогутъ.

* * *

Я писалъ въ редакціи многихъ иностранныхъ спеціальныхъ по медицинѣ и психологіи изданій, прося указать мнѣ, не было ли имъ извѣстно что-либо, написанное о клептоманіи, и не получилъ ни одного указанія, искалъ и не обрѣлъ, спрашивалъ и получалъ или отрицательные отвѣты или ложныя указанія, основывавшіяся на предположеніяхъ или на ложномъ стыдѣ сказать „не знаю“. Поэтому, если, паче чаянія, окажется, что существуетъ чье-либо изслѣдованіе по этому вопросу, то, надѣюсь, что ни одинъ благоразумный человекъ не осудитъ меня за такое невольное упущеніе. Нельзя не согласиться, что профессоръ Гельмгольцъ вполне правъ, говоря въ одной изъ его популярно-научныхъ статей слѣдующее: „Ученые нашего времени углублены въ изученіе частныхъ вопросовъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что величайшій полигисторъ не можетъ думать о помъщеніи въ своей головѣ болѣе одной небольшой области современной науки“.

ГЛАВА I.

О клептоманиі вообще: о признакахъ, по которымъ похищеніе вслѣдствіе клептоманиі можно отличить отъ воровства вообще; о наказаніи клептомановъ.

Πολλὰ τὰ δεινὰ κροδεν ἄνθρωπον, ἄνθρωπον δεινότερον πέγυετ, т. е. многое изумительно, но нѣтъ ничего изумительнѣе человѣка.

Хоръ въ Антигонѣ.

There are things in heaven and earth,
Then are not dreamt of in our philosophy.

Shakespeare. т. е.:

Много есть такого на небѣ и на землѣ,
о чемъ и не грезилось даже нашей философіи.

Шекспиръ.

Il y a toujours du nouveau dans l'homme, comme il y a toujours en lui une partie éternelle et immobile.

Avant propos de la «Philosophie du Bonheur par P. Janet».

т. е.:

Всегда найдется кое-что новое въ человѣкѣ, хотя постоянно есть нѣчто вѣчное и неизмѣнное.

Предисловіе къ «философіи счастья» Поля Жанае.

Психическія болѣзни вообще представляютъ много загадочнаго, страннаго, непонятнаго, а клептоманія въ особенности. Большинство нашихъ современниковъ относится съ недоувѣріемъ или съ сарказмомъ къ самому существованію клептоманіи и мнѣ не разъ стоило большихъ усилій убѣдить даже нѣкоторыхъ хорошо образованныхъ знакомыхъ въ томъ, что непреодолимаѣя склонность къ воровству бываетъ отъ природы у людей, происходящихъ отъ честныхъ и здоровыхъ родителей и не имѣвшихъ надобности прибѣгать, когда бы то ни было, къ воровству для пріобрѣтенія необходимаго для нихъ. — Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, черезчуръ любящій поострить, въ разговорѣ о клептоманіи, замѣтилъ, что „она стала теперь модной или, лучше

сказать, повальной болѣзнию, поражающей преимущественно касировъ, казначеевъ, интендантовъ *et tutti quanti*, словомъ всеѣхъ тѣхъ, которые любятъ попользоваться на чужой счетъ“. Сужденіе это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, такъ какъ въ немъ заключается противорѣчіе: всякій маніакъ дѣйствуетъ не по расчету, не вслѣдствіе какихъ-либо соображеній, выводовъ и умозаключеній, а машинально, безотчетно, какъ птицы устраиваютъ гнѣзда, а бобры хижины. Посадите тѣхъ или другихъ въ клѣтки и дайте имъ все матеріалы, нужные для построенія ихъ жилищъ, во время пребыванія на свободѣ, и они станутъ очень прилежно устраивать въ клѣткахъ гнѣзда или хижины, хотя бы все эти жилища, по неимѣнію самокъ, были бы совершенно бесполезными для строителей.

Клептоманія болѣзненное явленіе именно потому, что она почти всегда проявляется у такихъ людей и при такихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, которыя исключаютъ всякую мысль о корыстныхъ расчетахъ.

Замѣчательно, что и клептоманія, подобно многимъ другимъ болѣзнямъ, бываетъ хронической. Вообще, почти всегда, клептоманія обнаруживается впервые еще въ дѣтскомъ возрастѣ несчастныхъ, одержимыхъ ею людей; но мы извѣстно нѣсколько примѣровъ первоначальнаго появленія клептоманіи у людей взрослыхъ уже, и профессоръ Дебе, въ „Физиологіи брака“, помнитъ, говоритъ о нѣсколькихъ случаяхъ заболѣванія клептоманіею женщинъ во время беременности ихъ, по прошествіи которой пагубная склонность исчезала у нихъ до новой беременности. Извѣстно, что беременныя женщины вообще отличаются нѣкоторыми странностями, заключающимися преимущественно въ исключительномъ предпочтеніи нѣкоторыхъ родовъ пищи, нерѣдко даже такой, какой онѣ прежде не употребляли. Разнообразіе этой предпочитаемой ими пищи и обнаруживаніе, проявленіе этого предпочтенія сравнительно у немногихъ беременныхъ служатъ доказательствомъ, что это не есть, такъ сказать, инстинктивное предпочтеніе, необходимое для доставленія надлежащей субстанціи будущей человѣческой личности, образующейся тогда. Этотъ фактъ составляетъ однородное съ клептоманіей дѣйствіе психо-патологической субстанціи больного.

Многіе упорно приписываютъ дѣйствія клептомановъ не болѣзни, которой не признаютъ, а наслѣдственной испорченности, корыстолюбію, жадности и т. п. Но нельзя же допустить, чтобы

и король французскій, Генрихъ IV Наварскій, одинъ изъ лучшихъ людей, былъ похитителемъ вельдствіе одной изъ упомянутыхъ мною причинъ; а между тѣмъ Тильманъ де Рео, Моро-Кристофъ и нѣкоторые другіе французскіе писатели единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что Генрихъ IV не могъ противостоять искушенію брать все, что нравилось ему и онъ могъ незамѣтно унести съ собою; впоследствии, онъ отсылалъ обратно всѣ вещи, которыя онъ похищалъ, владѣльцамъ ихъ. — Онъ самъ не разъ говорилъ про себя: „Не будь я королемъ, я былъ бы повѣшенъ за воровство“. Генрихъ обладалъ значительной силой воли и однако-же ее оказалось недостаточно для того, чтобы удержать его отъ поступковъ, крайне неприличныхъ его званію, состоянію и происхожденію. Приведенный нами отзывъ о себѣ Генриха IV-го доказываетъ, что онъ вполне сознавалъ неблаговидность, неприличность и постыдность своихъ поступковъ. Известно вѣдь, что онъ былъ добрый, щедрый и благотворительный государь. Онъ не могъ ни унаслѣдовать скверной склонности къ воровству, ни привыкнуть къ нему въ дѣтствѣ, такъ какъ онъ выросъ и воспитался подъ вліяніемъ благопріятныхъ для него обстоятельствъ и людей нравственныхъ. Почему же, какимъ образомъ и откуда появилась у него столь ужасная склонность? Невозможно объяснить этого, отвергая существованіе клептоманіи: онъ похищалъ, безъ сомнѣнія, единственно потому, что у него было непреодолимое стремленіе къ похищенію чужой собственности, стремленіе, превышавшее его силу воли, здравомысліе, присущее ему чувство порядочности и сознанія своего долга — показывать лишь хорошій примѣръ, достойный подражанія. Воруя, клептоманъ поневолѣ повинуетъ какой-то таинственной, деспотической, враждебной даже, можно сказать, силѣ, непонятнымъ для него самого образомъ руководящей его дѣйствіями.

И такъ, по какимъ признакамъ должно отличать воровство съ корыстной цѣлью отъ похищенія чужой собственности клептоманами? Кто внимательно прочелъ все предыдущее, тотъ едва ли затруднится и самъ, безъ нашей помощи, отвѣтить на этотъ вопросъ; но, впрочемъ, не мѣшаетъ формулировать выводъ, на сколько возможно ясенѣе и опредѣленнѣе, что мы и попытаемся сдѣлать.

Во первыхъ, и это притомъ главный признакъ клептоманіи — всякій, похищающій вельдствіе этой болѣзни, присвоиваетъ себѣ похищаемое не корыстолюбія ради, не для того, чтобы восполь-

зоваться чужой вещью, потому что она ему нужна была, а машинально, почти безсознательно, лучше сказать, онъ похищаетъ именно такъ, какъ сороки, галки и вороны похищаютъ драгоценные камни и маленькія золотыя и серебряныя вещи, совершенно ненужныя имъ, а между тѣмъ доставляющія имъ иногда чрезвычайно тягостный, обременительный трудъ, при перенесеніи похищеннаго въ укромное мѣстечко.

Во вторыхъ, клеptomаны не придумываютъ средствъ для сокрытія уликъ; ихъ заботы о сохраненіи похищеннаго ограничиваются только стараніемъ взять вещь незамѣтно для присутствующихъ и вынести ее такимъ же образомъ. Они не только не прибѣгаютъ къ устройству *alibi* и другихъ мошенническихъ продѣлокъ, но даже на своихъ квартирахъ, нерѣдко на самыхъ видныхъ мѣстахъ, нагромождаютъ улики противъ себя, накапливая, безъ всякой надобности, похищаемыя ими вещи. Имъ и въ голову не приходитъ, что такимъ образомъ, въ глазахъ премудрой юриспруденціи, они накапливаютъ вещественныя доказательства противъ себя.

Въ третьихъ, клеptomаны не составляютъ никакихъ предварительныхъ плановъ похищеній; они похищаютъ экспромтомъ, большею частью каждый разъ, когда представится случай; но нѣкоторые изъ нихъ похищаютъ хронически, то-есть бываютъ одержимыи клеptomаніей только чрезъ болѣе или менѣе продолжительные періоды времени.

Въ четвертыхъ, клеptomаны, почти всегда, воруютъ только однородные предметы, напримѣръ: драгоценности или матеріи или книги однороднаго содержанія, или даже вещи, неимѣющія почти никакой цѣнности и немогущія быть полезными похитителю, какъ лоханки и т. п. Случай похищенія клеptomанами совершенно разнородныхъ предметовъ сравнительно очень рѣдки. Не менѣе рѣдки похищенія изъ запертыхъ помѣщеній и притомъ всегда безъ взлома послѣднихъ.

Въ пятыхъ, клеptomаны никогда не стараются сбыть похищенные ими вещи, за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда крайняя нужда, неимѣніе необходимаго побудитъ ихъ къ этому. *Рѣдкихъ* случаевъ, сказалъ я, потому что изъ нѣсколькихъ сотъ клеptomановъ, извѣстныхъ мнѣ изъ книгъ и газетъ, по наслышкѣ, то-есть по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ о нихъ достовѣрными людьми, и лично извѣстныхъ, болѣе трехъ четвер-

тей всего числа были люди богатые или достаточные, до осужденія не испытывавшіе крайней нужды.

Теперь приступимъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, слѣдуетъ ли наказывать клептомановъ? Вслѣдствіе недостатка компетентныхъ судей въ разрѣшеніи вопроса о томъ, совершенно ли похищеніе вслѣдствіе клептоманіи или же по другой какой-либо, предосудительной уже причинѣ, безнаказаннымъ оставлять никакія похищенія не слѣдуетъ, но даже въ случаѣ возникновенія у судей сомнѣнія въ томъ, клептоманъ ли обвиняемый похититель или же нѣтъ, наказаніе не должно превышать отдачи подсудимаго на поруки кому-либо изъ достойныхъ довѣрія гражданъ. Въ случаѣ вышеупомянутаго сомнѣнія, въ особенности, слѣдуетъ помнить одинъ изъ умнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ законовъ, говорящій, что всякое сомнѣніе должно быть объясняемо въ пользу подсудимаго.

Если подсудимый будетъ признанъ клептоманомъ, то крайне несправедливо было-бы, конечно, подвергать его какому бы то ни было наказанію, за совершенныя имъ похищенія, потому что, похищая, онъ дѣйствовалъ подобно тому, какъ нѣкоторыя изъ тропическихъ птичекъ, которыя, вслѣдствіе вліянія на нихъ взгляда гремучей змѣи и удава, кажется, — сами безсознательно устремляются въ открытыя пасти ужасныхъ земноводныхъ, немедленно пожирающихъ опалѣлыхъ птичекъ. Положеніе клептомановъ гораздо хуже и болѣе достойно сожалѣнія, чѣмъ маленкихъ крылатыхъ жертвъ, такъ какъ клептоманы, совершивши похищеніе, сознаютъ крайнюю неблагоприятность и опасность его и, вмѣсто минутныхъ страданій крылатыхъ малютокъ, принуждены нерѣдко цѣлые десятки лѣтъ мучиться сознаниемъ своего безсилія и своей мнимой порочности.

Публика, незнающая даже, что существуетъ врожденная склонность къ воровству, выносятъ тягостное впечатлѣніе въ случаѣ осужденія клептомана, а потому, при судебномъ слѣдствіи по дѣлу такового, необходимо принимать во вниманіе, сопровождалось ли похищеніе указанными мною признаками или нѣтъ.

Меня всегда удивляло и возмущало то обстоятельство, что господа судьи и адвокаты, даже получившіе строго-классическое образованіе, когда отъ нихъ зависѣло оправданіе подсудимаго клептомана, постоянно выказывали полное незнаніе даже классическаго слова „клептоманія“. Не только въ Россіи, но и за-

границей, несчастные клептоманы, силошь и рядомъ выходятъ безъ вины виноватыми и такъ какъ большинство ихъ уличены уже были прежде въ похищеніи чужаго имущества, то, какъ рецидивистъ они судятся гораздо строже и, будучи невинными орудіями какой-то враждебной (но чисто — физической, а отнюдь не сатанинской) силы, осуждаются на многолѣтнія страданія...

Г Л А В А II.

Приѣзды похищеній вслѣдствіе клептоманіи во Франціи и въ Италіи: Богро, каторжникъ Дегамъ, современная француженка-клептоманка и Бисконті.

Все это было-бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Пушкинъ.

Моро-Кристофъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи и подъ названіемъ: „Миръ мошенниковъ“ (*Le monde des coquins, par L. M. Moreau-Christophe. — 2 vol.*) рассказываетъ о двухъ клептоманахъ Богро и Дегамъ и говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Мой знаменитый и достойный сожалѣнія другъ, Алексѣй де Токвиль, будучи королевскимъ адвокатомъ въ Версали, въ 1882 году, по одному изъ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя могутъ служить важнымъ источникомъ изученія человѣческаго сердца и снабжаютъ уголовную медицину важными фактами и указаніями, произнесъ рѣчь, заслуживающую полного вниманія“.

„Дѣло шло о воровствѣ и воръ былъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ одной изъ богатыхъ фамилій, довольно развитой и пріобрѣвшій хоршее образованіе. Этотъ молодой человѣкъ въ дѣтствѣ пораженъ былъ одностороннимъ онѣмѣніемъ (*hémiphlégie*); лицо его вслѣдствіе этого постоянно было сморщеннымъ и конвульсивно подергивалось“.

„Эта немилость природы не помѣшала Богро (такъ назывался судившійся юноша) обладать пылкимъ темпераментомъ и пламеннымъ воображеніемъ; можетъ быть даже напротивъ: оно усиливало ихъ“. Онъ сталъ воровать и вотъ какъ объяснялъ побудительныя причины своего неприличнаго поведенія: „Будучи въ тягость моимъ родителямъ, опаснымъ для общества,

внушая страхъ другимъ, но все же менѣе, чѣмъ самому себѣ, что я могъ дѣлать въ этомъ мірѣ? Я не могу имѣть иного убѣжища, какъ въ тюрьмахъ. гдѣ все соотвѣтствуетъ моимъ горестямъ, гармонируетъ съ моимъ душевнымъ настроеніемъ. Свобода, какъ и жизнь, одинаково тяготятъ меня. Зрѣлище счастья другихъ людей мучить меня. Въ тюрьмѣ же я нахожусь въ такомъ мѣстѣ, которое соотвѣтствуетъ горечи моихъ идей. Если-бъ этажскіе судьи признали меня виновнымъ въ самой высшей степени, то они избавили бы меня этимъ отъ огорченія возобновлять непріятныя для меня самого дѣйствія, такъ какъ мнѣ самому стоитъ очень тягостной борьбой рѣшеніе снова совершать ихъ. Это у меня родъ болѣзни, которую люди называютъ *мономаніей*...”

„Я привелъ, продолжаетъ Моро-Кристофъ, даже подлинныя выраженія этого несчастливца, душа котораго, какъ говорилъ де Токвиль, одарена была нѣжностью чувствъ и рѣдко встрѣчающейся энергіею. Воспитаніе его должно было способствовать облагороженію чувствъ и наклонностей, заимствованныхъ отъ вполне порядочныхъ, благонамѣренныхъ родителей. Онъ долженъ былъ бы быть счастливымъ и могъ бы сдѣлаться таковымъ, если-бъ могъ противостоять пагубнымъ стремленіямъ... Де Токвиль въ трогательной рѣчи доказывалъ, что несчастный кліентъ не въ состояніи былъ удерживать себя отъ совершенія преступленія, но Богомъ все-таки осужденъ былъ на 15-ти лѣтнее заключеніе. По прошествіи этого срока заключенія, что онъ будетъ дѣлать? Если не окончитъ вскорѣ жизнь на эшафотѣ, то непременно умретъ современемъ въ острогѣ для каторжниковъ, въ сообществѣ съ каторжникомъ Дегамомъ“.

Что-жъ за личность послѣдній?

Вотъ портретъ этого каторжника, начертанный главнымъ докторомъ острога для каторжниковъ въ Тулонѣ: „Прибывши въ острогъ, Дегамъ откровенно сознался, что у него непреодолимая страсть къ воровству и просилъ, чтобы за нимъ лучше присматривали, чтобы снасли его отъ него самого. Подобнымъ образомъ нѣкоторые больные требуютъ отъ лечащихъ ихъ докторовъ успокоивающихъ лекарствъ. Дегамъ самый дѣятельный воръ, какого только возможно себѣ представить. Страсть къ воровству у него болѣзнь прирожденная и неизлечимая, какъ эпилепсія, мученія которой не могутъ быть прогнаны лекарствами. Когда онъ свободенъ, то жизнь его представляетъ рядъ кражъ;

даже и въ то время, когда онъ въ оковахъ, страсть его къ воровству обманываетъ всякій надзоръ, заставляетъ его пренебрегать всякими наказаніями, хотя за каждое воровство, сдѣланное имъ въ арсеналѣ, его жестоко бьютъ палками. Сумма палочныхъ ударовъ, получаемыхъ имъ—неисчислима; но, несмотря на то, лицо у него открытое и веселое, и онъ съ самодовольной улыбкой повертываетъ списокъ своихъ покражъ, какъ хвастливый шарлатанъ, самодовольно выхваляющій его изобрѣтеніе. Никто не сказалъ-бы, видя, какъ Дегама входитъ въ госпиталь, что онъ идетъ туда для того, чтобы быть тамъ больно побитымъ. Я полагаю, что этотъ фанатикъ воровства переноситъ удары, какъ сень-медарскіе фанатики. Черты его не выражаютъ, однако, ничего благороднаго и вдохновеннаго: у него глаза сатира, губы большія и влажныя. На черепѣ его находятся вышуклости или шишки воровства и физической любви. Иностранецъ, проходящій мимо Дегама, осматривая тулонскій острогъ для каторжниковъ, и не заподозритъ Дегама въ способности очень ловко воровать, но, несмотря на очень тщательный надзоръ за этимъ опытнымъ воромъ, онъ, большею частью, что-нибудь похититъ у посѣтителя, какъ-бы въ воспоминаніе объ его посѣщеніи. Уже съ ранняго дѣтства Дегама совершалъ воровства съ такой понятливостью, съ такимъ знаніемъ мѣстъ и успѣшности средствъ, съ столь большой сообразительностью, что мы не должны смотрѣть на него, какъ на обыкновеннаго вора“.

Этотъ человекъ одержимъ истинной маніей, которая усиливалась съ годами, теперь ему 38 лѣтъ, и съ повтореніемъ преступленій. Однако, онъ самъ часто разсуждаетъ о своей отвратительной страсти; онъ говоритъ, что, будучи осужденъ на пожизненное заключеніе на галерахъ, онъ не можетъ желать излеченія, которое заставило-бы его больше страдать, чѣмъ влажная тюрьма и палочные удары. Для него не воровать, это все равно, что не жить и едва-ли смогъ-бы онъ долго прожить, если-бы лишенъ былъ возможности воровать. „Вороватость, говоритъ онъ, есть страсть, которая сожигаетъ, какъ любовь, и когда кровь кипитъ у меня въ головѣ и въ пальцахъ, я полагаю, что самъ себя уворовалъ-бы, если-бъ только это было возможно“.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что Дегама дѣйствовалъ такъ въ острогѣ, подъ вліяніемъ непреодолимой склонности, страсти, а не корыстолюбія, достаточно принять въ соображеніе три обсто-

ательства: во-первыхъ, если-бъ ему удалось даже уворовать что-нибудь у посѣтителя острога, будучи совершенно никѣмъ не замѣченнымъ, то онъ не имѣлъ возможности спрятать уворованную вещь такимъ образомъ, чтобы при обыскѣ его, происходившемъ послѣ каждаго посѣщенія посторонняго, не нашли-бы у него улику, *corpus delicti*; во-вторыхъ, если-бы даже ему удалось спрятать отъ людей, производившихъ обыски и, навѣрно, прекрасно знавшихъ всевозможныя арестантскія хитрости, то и въ такомъ случаѣ, какъ осужденный на пожизненное заключеніе, онъ не могъ-бы воспользоваться уворованнымъ; въ третьихъ, онъ зналъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что каждое воровство въ острогѣ повлечетъ за собой строгое наказаніе его и жестокіе побои оказывались, однако, слишкомъ слабымъ средствомъ, чтобы удержать его на будущее время отъ совершения бесполезныхъ для него похищеній!

* * *

220076
Теперь приведу одинъ изъ новѣйшихъ примѣровъ изъ французской-же жизни, доказывающій существованіе клептоманіи и невольное сочувствіе очень многихъ людей, къ несчастнымъ одержимымъ этой болѣзью. Корреспондентъ „Голоса“, въ мартѣ 1882 года, описалъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, какъ хорошо характеризующій французскіе суды исправительной полиціи:

„Намъ пришлось присутствовать при судѣ надъ женщиной, пойманной въ покражѣ двухъ шелковыхъ галстуковъ изъ магазина „*Au bon marché*“.

„*Воровка* молодая, недурная собой, и очень прилично одѣтая особа, имѣла въ карманѣ, въ минуту ея задержанія, портмоне, въ которомъ лежало нѣсколько сотъ франковъ золотомъ, и предварительнымъ дознаніемъ было доказано, что эти деньги принадлежали несомнѣнно ей. На вопросъ предсѣдателя: „Что заставило васъ, женщину со средствами, совершить кражу?“ она отвѣчала, заливаясь слезами: „я и сама не могу понять этого, г. предсѣдатель!“ Чрезъ минуту, безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ, послѣдовалъ приговоръ, осудившій ~~страшную воровку~~ на ~~два года заключенія въ тюрьму!~~“

„Въ публикѣ послышался сильный ропотъ и слова: „да вѣдь это, очевидно, помѣшанная!“ Предсѣдатель суда исправительной полиціи сверкнулъ глазами и, сильно позвонивши, закричалъ

зычнымъ голосомъ: „Silence!“ (молчать!), а вслѣдъ затѣмъ прибавилъ обыкновеннымъ голосомъ: „слѣдующаго!“ *).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что никому изъ засѣдавшихъ тогда судей исправительной полиціи неизвѣстно было даже о существованіи клептоманіи, и благодаря столь несправедливымъ и во всякомъ случаѣ черезчуръ строгимъ приговорамъ, какъ много людей погубили они, вслѣдствіе своего невѣжества! *Horribile dictu!*

„Помѣшанная!“ сказала кое-кто изъ публики. Да, несомнѣнно помѣшанная, то-есть клептоманка, и какое множество такихъ „помѣшанныхъ“, вслѣдствіе врожденной и непреодолимой болѣзненной склонности, дѣйствуя въ то время безсознательно, совершаютъ, такимъ образомъ, *мнимыя преступленія* и терпятъ за нихъ очень тяжкій позоръ, грубыя оскорбленія, лишеніе свободы и привычнаго комфорта!

* * *

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ клептомановъ былъ итальянецъ Висконти, осужденный за кражи разъ 20. Онъ говорилъ на судѣ слѣдующее: „Вы считаете меня отъявленнымъ негодяемъ, воромъ, а я только несчастный человѣкъ, у котораго *нѣтъ достаточной силы воли*, чтобы удержать себя отъ кражъ, или лишить себя жизни. Въ 1861 году я совершилъ первый обманъ и съ того времени я пропалъ: началъ пить и продолжалъ воровать, чтобы меня арестовали. Въ самый моментъ, *когда я совершаю воровство, мнѣ какъ-то особенно хорошо*, но потомъ я бываю въ возбужденномъ состояніи: ѣмъ плохо и не знаю, что такое сонъ. Но, несмотря на это, я никогда не отстану отъ моего проклятаго порока. Если-бы даже я сталъ теперь богатымъ и наивался каждый день вдоволь, то я все-таки не отсталъ-бы отъ него, *не пересталъ-бы воровать*, я только возвращалъ-бы собственникамъ украденныя у нихъ вещи. Право, судьи оказали-бы мнѣ большую милость, если-бы навсегда оставили меня въ тюрьмѣ и дали-бы мнѣ туда какое-нибудь занятіе: честь моя потеряна уже, а потому я въ тюрьмѣ проживу счастливѣе, чѣмъ на волѣ. Кормятъ, правда, немного скудно, но вкусно. Мнѣ теперь нуженъ покой“.

*) «Голосъ» № 92-й 1882 года, корреспонденція изъ Парижа.

Эту наивную исповѣдь я перевелъ изъ „Il Secolo“ или „Il Diritto“ и забылъ обозначить время и названіе газеты, въ которой я читалъ изложеніе процесса несчастнаго Висконти.

Г Л А В А ІІІ.

Клептоманы русскіе провинціальные.

Nomina odiosa sunt, т. е.: «имена ненавистны».

Классическое изрѣченіе.

Когда мы пишемъ о чемъ-бы то ни было, считающемся постыднымъ, то крайне неудобно, щекотливо и можетъ повлечь за собой весьма непріятныя послѣдствія точное указаніе на лица; родственники клептомановъ, напимѣръ, могутъ обидѣться и стать врагами и т. п. Поэтому гораздо благоразумнѣе придерживаться вышеупомянутаго мудраго классическаго афоризма или, лучше сказать, сентенціи, впервые написанной Овидіемъ, если не ошибаюсь. „Чтобы гусей не раздражить“, я буду называть моихъ злосчастныхъ жалкихъ героев не собственными именами, а званіями, такъ какъ важны собственно не имена, а факты, которые отъ этого ничуть не умалятся. Факты-же всѣ, которые я сообщу въ слѣдующихъ двухъ главахъ, хорошо извѣстны мнѣ преимущественно изъ рассказовъ достовѣрныхъ, правдивыхъ людей, или же я самъ былъ свидѣтелемъ уличенія и признанія несчастныхъ клептомановъ.

Подобно доктору Мержеевскому, описавшему въ его судебной гинекологіи множество примѣровъ пагубныхъ наклонностей (но ни одного изъ относящихся къ клептоманіи), я могъ-бы привести сотни примѣровъ клептоманіи и множества другихъ лицъ, разсеянныхъ по громадному пространству Россіи, если-бы записывалъ каждый примѣръ клептоманіи или рассказы о каждомъ изъ неизвѣстныхъ мнѣ до того времени лицъ, больномъ клептоманіей, рассказы, которые сообщали мнѣ люди и не вполне достойные довѣрія; но я нахожу, что это было-бы совершенно излишнимъ: во-первыхъ, пришлось-бы часто повторять одно и то-же, хотя и о совершенно различныхъ личностяхъ; во-вто-

рыхъ, для челоуѣка не слишкомъ предубѣжденнаго и упрямаго, и тѣхъ примѣровъ, о которыхъ я расскажу, болѣе чѣмъ достаточно. Тѣмъ, которые пожелаютъ убѣдиться въ правдивости сообщаемыхъ мною разсказовъ, съ чисто-научной цѣлью и намѣреваясь продолжать начатое мною дѣло, я охотно сообщу и болѣе точныя, фактическія свѣдѣнія о большинствѣ клептомановъ, упоминаемыхъ мною въ этой статьѣ.

* * *

Лѣтъ 20 назадъ, живя въ одномъ изъ губернскихъ городовъ южной Россіи, я познакомился съ двумя замѣчательными субъектами, возбуждавшими всеобщее удивленіе странностью своего поведенія. Одинъ изъ этихъ субъектовъ принадлежалъ нѣкогда къ числу далеко не изъ послѣднихъ представительницъ прекраснаго пола, но въ то время былъ уже очень некрасивъ. Это была жена заслуженнаго и богатаго генерала, имѣвшаго помѣстья въ той губерніи. Генеральша была, повидимому, очень почтенной старушкой, лѣтъ 60. Другой субъектъ былъ по наружности противоположенъ первому, но средни ему по господствующей въ нихъ обоихъ страсти: это былъ красивый молодой челоуѣкъ, лѣтъ 20 съ небольшимъ, сынъ бывшаго губернскаго предводителя дворянства. Странность-же обоихъ, или преобладавшая въ нихъ обоихъ страсть, была—клептоманія.

Генеральша очень любила ходить по магазинамъ и не столько покупала въ нихъ, сколько воровала. Страсть ея къ воровству была извѣстна цѣлому городу и такъ какъ лакей, по приказанію генерала, не отстававшій отъ барыни во время ея выходовъ, щедро платилъ за все, уворованное генеральшей, деньгами, данными для этого ея мужемъ, то во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ купцы и прикащики охотно притворялись незамѣчающими похищеній, которыя производила у нихъ генеральша, и послѣдняя всегда уходила очень довольной тѣмъ, что ей удалось безнаказанно, будто-бы, уворовать штучку матеріи, какую-нибудь туалетную бездѣлку и т. п. По выходѣ ея, лакею немедленно подавали счетъ украденнаго ея барыней, большею частью съ значительными добавленіями и по удвоенной цѣнѣ, тотъ, вздыхая, расплачивался, бралъ счетъ съ подписью объ уплатѣ, для представленія его генералу и потомъ торопился догнать превосходятельную воровку. Несчастный мужъ послѣдней пробовалъ все-

возможныя средства отучить жену отъ ея постыдной наклонности, но ничто не помогало и она до самой смерти мужа продолжала раззорять его. Оставшись вдовой, она вдвойнѣ испытывала горечь одиночества: гдѣ-бы и что-бы она ни утщила, вездѣ и за все заставляли ее платить въ три-дорога. Такъ какъ она была стара и богата, да притомъ мужъ ея пользовался общимъ уваженіемъ, а ея страсть все почти объясняли тѣмъ, что она *испорчена*, то ее никто не преслѣдовалъ за похищенія и она умерла, не бывши даже подъ судомъ, хотя совершила тысячи кражъ по причинѣ, не признаваемой юристами.

Другой изъ упомянутыхъ мною субъектовъ, жившихъ въ одномъ и томъ-же городѣ, дѣйствовавшихъ одинаково и въ одно и то-же время, добился совершенно иныхъ результатовъ и своею жалкой участью доказалъ справедливость поговорки: „что воруетъ съ рукъ, за то ворюшекъ бьютъ!“ Онъ былъ единственный сынъ очень богатаго и уважаемаго помещика, долго прослужившаго губернскимъ предводителемъ дворянства, Г*; у молодого Г* способности были хорошия, наружность привлекательная и хорошее салонное воспитаніе; слѣдовательно, были, повидимому, все данныя на успѣхъ въ свѣтѣ, но... и „солнце не безъ пятенъ“, а можетъ ли у человѣка быть все хорошимъ?! Навѣрно у всякаго найдется какая-нибудь слабость, которая нерѣдко оказывается слишкомъ сильной, къ несчастью, какъ клептоманія у несчастнаго Г*. Родители очень любили его и употребляли всевозможныя старанія объ искорененіи съ ранняго дѣтства появившейся у него непреодолимой наклонности къ воровству; эта пагубная наклонность чрезвычайно оскорбляла, огорчала и удивляла почтеннаго предводителя дворянства. Не разъ, случалось, со слезами на глазахъ почтенный старикъ восклицалъ: „И откуда у него могла взяться эта ужасная наклонность?! Ни въ моемъ, ни въ жениномъ роду, на сколько мнѣ извѣстно, не только воровъ, но и взяточниковъ никогда не бывало! Онъ не корыстолюбивъ, лакометвъ и денегъ у него всегда вдоволь бывало; все, что онъ желалъ, ему постоянно доставлялось, и я увѣренъ, что ни разу ни одинъ здоровый человѣкъ на его мѣстѣ и не покусился-бы на кражу. Чудны дѣла Твои, Господи!“ съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ прибавлялъ Г*. Чтобы излечить сына отъ клептоманіи, Г* отказался отъ новаго избранія и поѣхалъ съ семействомъ за границу, желая посоветоваться съ знаменитѣйшими психіатрами. Увы! ни одинъ изъ нихъ не ска-

зажъ ничего утѣшительнаго, кромѣ того, что необходимо выбрать добросовѣтнаго гувернера, который глазъ не спускалъ-бы съ мальчика и всѣми силами заботился-бы объ искорененіи въ воспитанникѣ пагубной врожденной страсти. Нѣкоторые изъ психіатровъ недовѣрчиво относились къ рассказамъ Г* объ его сынѣ и видимо не имѣли сами понятія о клептоманіи, хотя считались знаменитыми врачами душевныхъ болѣзней! По совѣту одного изъ психіатровъ, Г* пригласилъ гувернеромъ педагога-нѣмца, увѣрявшаго, что психіатрія всегда была его любимой наукой и что онъ охотно готовъ ѣхать въ Россію, чтобы сдѣлать практическое приложеніе своихъ познаній „bei der Erlehnung solches wissenschaftliches Curiositäts“. Нѣмецъ пробылъ у Г* два года и вся принесенная имъ польза заключалась въ томъ, что онъ научилъ своего питомца говорить по-нѣмецки; клептоманіи-же въ немъ педагогъ-психіатръ не только не искоренилъ, но... она усилилась!.. Послѣ этой неудачной попытки, Г* отдавалъ сына въ нѣсколько лучшихъ пансіоновъ, предупреждая содержателей ихъ о болѣзни сына и предлагая крупную сумму въ награду, если не прибѣгая къ жестокимъ мѣрамъ, сумѣютъ излечить его сына; нѣкоторые изъ педагоговъ-директоровъ ручались за излеченіе, получали чрезвычайно высокую плату за усиленный надзоръ и добивались только ненависти молодого Г*, которому, большею частью чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ поступленія его въ пансіонъ, удавалось упросить родителей взять его оттуда навсегда. Изъ нѣсколькихъ училищъ юнаго клептомана изгоняли, какъ язву, изъ опасенія заразительнаго пагубнаго вліянія его ужаснаго порока на нравственность товарищей. Выросъ молодой Г* и сталъ по наружности молодцомъ хоть куда! Долгое время повсюду, хотя и знали его слабость, охотно и радушно принимали его; многія хорошія невѣсты засматривались на него, многіе почтенные родители охотно выдали-бы за него своихъ дочерей, но онъ не привязывался ни къ одной женщинѣ серьезно до того времени, когда оказалось уже невозможнымъ добиться освобожденія его!.. Много разъ и прежде несчастному отцу его стоили немало душевныхъ страданій, труда и денегъ старанія освободить сына отъ тюрьмы и ссылки съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, угрожавшихъ ему за частыя похищенія. Молодой Г* не любилъ ни сельскаго хозяйства, ни охоту, не хотѣлъ посвятить себя научнымъ занятіямъ, а спалъ и видѣлъ блестящій мушкетеръ гусарскаго офицера. Онъ много разъ просилъ отца по-

зводить ему поступить въ военную службу; старикъ долго, упорно не соглашался, предчувствуя несчастіе; но, когда сынъ его торжественно поклялся, что употребить всё силы, чтобы удерживаться отъ воровства и если, паче чаянія, уворуетъ что-нибудь, то поспѣшить возвратить; старикъ согласился, щедро надѣлилъ его деньгами, далъ ему рекомендательныя письма къ будущимъ начальникамъ, благословилъ и отпустилъ. Г* обѣщалъ сыну высылать ему аккуратно, ежемѣсячно, по 1,000 руб. и, конечно исполнилъ обѣщаніе. Молодой Г* поступилъ въ гусарскій полкъ командиромъ котораго былъ старый другъ и товарищъ его отца; послѣдній написалъ товарищу о несчастной склонности сына и просилъ, въ случаѣ, если тотъ попадетъ въ воровствѣ, имѣть въ виду, что послѣднее совершается вслѣдствіе болѣзни и, по старой дружбѣ къ отцу, спасти сына: „что-же касается денежныхъ потерь, прибавлялъ Г*, то можешь быть увѣреннымъ, что поспѣшу вознаградить ихъ; впрочемъ, прилагаю 10,000 банковый билетъ, чтобы, въ случаѣ надобности, ты всегда имѣлъ-бы подъ рукой возможность выкупить моего несчастнаго сына“.

Предусмотрительность отца не помогла молодому Г*: какъ послѣдній ни крѣпился, а не выдержалъ и двухъ мѣсяцевъ воздержанія отъ удовлетворенія пагубной склонности. При помощи полковаго командира и нѣкоторыхъ изъ полюбившихъ его товарищей офицеровъ (хотя Г* былъ юнкеромъ, но всегда почти находился въ офицерской компаніи, благодаря щедрости его родителей), нѣсколько первыхъ похищеній сошло ему съ рукъ безнаказанно, въ буквальномъ смыслѣ слова; но однажды онъ совершилъ похищеніе у человѣка, до того времени втайнѣ ненавидѣвшаго его, какъ счастливаго соперника, которому оказывала явное предпочтеніе богатая вдовушка, очень нравившаяся потерпѣвшему: послѣдній обрадовался случаю погубить соперника и употребилъ, всё средства, чтобы заключить Г* въ тюрьму. Это удалось ему и полковой командиръ Г* написалъ отцу послѣдняго, что просить его пріѣхать переговорить о важномъ дѣлѣ. Узнавши, въ чемъ заключалось это дѣло, достойный и почтенный старикъ не перенесъ столь тяжелаго удара: онъ зналъ, что ссылка въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія единственнаго наследника его славнаго имени неминуема на этотъ разъ и это до того потрясло несчастнаго, что онъ пораженъ былъ параличемъ, а векоръ послѣ того и умеръ. Сынъ сосланъ былъ въ Сибирь и что случилось съ нимъ потомъ—не знаю.

Въ „Одесскомъ Листкѣ“ 1885 года изложена была слѣдующая исторія *десятилѣтняго* преступника клептомана, приговореннаго къ пятилѣтнему заключенію въ исправительномъ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ.

Петя Э* выросъ въ порядочной и довольно состоятельной семьѣ. Съ ранняго дѣтства онъ обставленъ былъ всеми удобствами, какія возможны только въ богатомъ домѣ: онъ занималъ отдѣльную комнату — дѣтскую и находился всегда подъ присмотромъ особой прислуги. Мать этого маленькаго преступника никакъ не могла понять и отвѣтить на вопросъ судьи о томъ, какимъ образомъ могли проявиться, развиться и укрѣпиться неизгладимо и непреодолимо порочныя наклонности ея сына. Она увѣряетъ, что послѣдній еще съ четырехлѣтняго возраста сталъ пропадать изъ дому. Случалось, что онъ и самъ возвращался, а бывали случаи, что его отыскивали среди бродячихъ мальчиговъ гдѣ-либо на площади или на базарѣ. Тщетны были все усилія его родныхъ не допускать повтореній непонятныхъ для нихъ бродяжническихъ отлучекъ маленькаго шалуна, тѣмъ болѣе огорчавшихъ близкихъ ему людей, что исчезновенія Пети совпадали съ пронажею изъ дома его матери мелкихъ наличныхъ денегъ и различныхъ предметовъ. Вскорѣ убѣдились, что похищенія совершала маленькій Петя; когда его уличали въ нихъ, то онъ не отрицался, но и не возвращалъ никогда похищеннаго, оправдываясь тѣмъ, что „мальчики отняли“; на вопросъ же, почему онъ самъ похитилъ, онъ отвѣчалъ: „такъ... не знаю... очень хотѣлось...“ Настало время обученія Пети. Его опредѣлили въ школу, но чрезъ нѣсколько дней онъ былъ изгнанъ оттуда за кражу книгъ; потомъ его отдавали въ нѣсколько другихъ школъ, но отовсюду онъ былъ изгоняемъ вскорѣ за воровство. Никакія увѣщанія, наставленія, мольбы и наказанія не могли остановить маленькаго клептомана ни отъ воровства, ни отъ самовольныхъ отлучекъ изъ дому и изъ училищъ. Онъ перебывалъ въ восьми школахъ, но вездѣ результаты были крайне неутѣшительны, хотя мальчикъ далеко не лишенъ былъ способностей: занимаясь ученіемъ изрѣдка, понемногу, онъ все-таки рано научился четко и изящно писать по-русски, по-французски и по-нѣмецки. Несмотря на его прекрасныя способности, ученіе не прививалось и не удалось отвлечь его отъ пагубныхъ наклонностей, усиливъ его любознательность: имѣя полную возможность удовлетворить ей, онъ все-таки продолжалъ при всякомъ

удобномъ случаѣ воровать и отыскивать уличныхъ мальчишекъ, обладавшихъ не менѣе порочными наклонностями; несчастный Петя сознавалъ, что дѣти его сословія относились бы къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ къ „воришкѣ“, зналъ, что такъ многіе изъ товарищей и родителей послѣднихъ называютъ его, и натурально чуждался ихъ, предпочитая кружокъ испорченныхъ уличныхъ мальчишекъ, гдѣ онъ, какъ баричъ, дѣлавшій имъ частыя приношенія, покупавшій имъ угощенія и раздававшій деньги, пользовался уваженіемъ и авторитетомъ. Все тѣснѣе и тѣснѣе сближался онъ съ уличными мальчуганами—ровесниками или старшими его по лѣтамъ, подобно ему не упускавшими случая воспользоваться тѣмъ, что „плохо лежало“, но дѣлавшими это не влѣдствіе клептоманіи, а большею частью по неимѣнію куска хлѣба и поддержки въ стремленіи къ честному труду, которое бываетъ по временамъ даже у взрослыхъ воровъ и хоть изрѣдка присуще каждому несовершеннолѣтнему воришкѣ; несомнѣнно, что большинство послѣднихъ, если-бъ имѣло возможность трудиться, не нуждаясь ни въ чемъ необходимомъ,—исправилось-бы, но клептоманы не могутъ исправиться, такъ какъ у нихъ непреодолимое отъ природы влеченіе къ воровству и борьба съ этимъ влеченіемъ не по силамъ каждому изъ нихъ.

Когда Петю перестали отдавать въ училища, увѣрившись, что изъ каждаго его исключили-бы вскорѣ, то онъ сталъ чаще пропадать изъ дому; мало того: отлучки эти стали гораздо продолжительнѣе, дней на 10, 15, причемъ каждый разъ онъ уходилъ изъ дому родителей одѣтымъ и обутымъ съ иголки, а возвращался босымъ, безъ картуза, а иногда въ блузѣ, но безъ нижняго бѣлья. Въ такомъ оборванномъ видѣ его находили, случалось, въ карантинѣ, между шайкой воровъ, на привозной площади, на базарахъ; случалось, что его чрезъ полицію доставляли съ Большаго фонтана. Все это заставило, наконецъ, родныхъ Петю принимать относительно его сильныя репрессивныя мѣры, но и онѣ также не привели къ желательному результату. Эти мѣры показали, на какіе отчаянныя поступки способенъ былъ этотъ замѣчательный мальчикъ, несчастный ученикъ воровской школы. Однажды, напримѣръ, его привязали на ночь веревками къ кровати. Петя успѣлъ, однако, разгрызть ихъ зубами и, освободившись отъ узъ, выбросилъ изъ окна третьяго этажа узелокъ съ домашними вещами, а самъ съ ловкостью кошки спустился изъ третьяго этажа по водосточной трубѣ.

Наконецъ изстрадавшіеся родители рѣшились испробовать послѣднее средство: отдали своего несчастнаго сына въ убѣжище для отбывающихъ наказаніе преступниковъ, наивно полагая, что тамошній надзоръ и опасеніе вторичной отдачи туда заставятъ Петю исправиться. Но, увы! чрезъ нѣкоторое время его признали вреднымъ членомъ даже того порочнаго общества, которое принуждено жить въ упомянутомъ убѣжищѣ: его удалили оттуда даже! Тогда родители его рѣшили отдать злополучнаго маленькаго клептомана въ руки правосудія и сами доставили его къ одесскому мировому судѣ 4-го участка Діану. Рассказывая все вышеизложенное, мать обвиняемаго прибавила, что у звѣрька Пети бываютъ иногда и хорошіе порывы; такъ, на примѣръ, онъ не разъ говаривалъ: „какой я злой, скверный мальчикъ! Смотри, мама, какая ты желтая стала, какъ исхудала, и все это изъ-за меня!“ Иногда же Петя ласкался, случалось, къ матери и со слезами спрашивалъ ее: „Мама, мама, спаси меня! Меня все тянетъ, тянетъ къ этимъ дурнымъ людямъ, сдѣлай такъ, чтобъ меня не тянуло къ нимъ, не тянуло бы къ кражамъ“!

Само собою разумѣется, что родители Пети многократно обращались къ врачамъ, прося у нихъ объясненія его порочныхъ наклонностей и указанія на средство избавить отъ таковыхъ несчастнаго ребенка; но врачи, даже мѣстныя знаменитости, удовольствовались лишь фразами да констатированіемъ *полной нормальности его въ умственномъ отношеніи* (sic!) На судѣ этотъ феноменальный мальчикъ держался почти безучастно, изрѣдка бросалъ только на мать его взгляды, полные упрека, за то, что она рассказывала объ его продѣлкахъ. На вопросъ судьи о томъ, что онъ дѣлаетъ съ деньгами,—Петя отвѣтилъ, что часть ихъ онъ раздаетъ мальчикамъ, а часть расходуетъ на фрукты. Когда мировой судья приговорилъ его къ пятилѣтнему заключенію, то десятилѣтній рецидивистъ закрылъ лицо фуражкой и горько заплакалъ. Родителямъ его немедленно выданъ былъ исполнительный листъ, по которому они препроводили маленькаго узника въ исправительный пріютъ.

Въ данномъ случаѣ мы видимъ примѣръ осложнившейся, такъ сказать, клептоманіи, такъ какъ къ ней примѣшивалось не менѣе сильное влеченіе къ дурному обществу; послѣднее, впрочемъ, легко можетъ быть объяснено, какъ слѣдствіе перваго: мальчикъ сознавалъ, что его похищенія заставляютъ всѣхъ не воровъ емо-

грѣтъ на него съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ или съ сожалѣніемъ, которое также, большею частью, непріятно видѣтъ при сознаніи, что оно вызывается проступками или преступленіями того лица, къ которому относится; такое сожалѣніе виновному кажется укоромъ и можетъ быть столь же тягостнымъ, какъ и наказаніе. Припомнимъ классическое изрѣченіе: „*similis similibus gaudetur*“, которое можно перевести русской поговоркой: „свой своему поневолѣ другъ“. Всякъ почти легче, лучше чувствуетъ себя въ обществѣ ему подобныхъ людей, а тѣмъ болѣе люди, имѣющіе достаточное основаніе считать себя какъ бы зачумленными, отщепенцами хорошаго общества, изъ среды котораго изгоняютъ ихъ нерѣдко сознаніе своей преступности, своего нравственнаго ничтожества въ сравненіи съ окружающими и потребность „отвести душу“, какъ выражаются многіе изъ этихъ несчастныхъ, дѣлая и говоря такъ, какъ имъ хочется, и не возмущая этимъ окружающихъ.

Въ Одессѣ, мнѣ указывали на старушку княгиню, которая съ ранней молодости была клептоманкой, хотя надобности въ похищеніи чего-бы то ни было она не могла имѣть, будучи единственной дочерью очень богатыхъ родителей. Я ее видѣлъ въ началѣ 70-хъ годовъ; въ то время она была вдовой генерала и жила въ одномъ изъ наилучшихъ одесскихъ домовъ, составлявшемъ часть ея приданаго. Въ молодости княгиня была красавицей, и хотя покойный мужъ ее зналъ до свадьбы объ ея болѣзни, но какъ человѣкъ богатый, знатный, съ хорошими связями, не побоялся жениться на несчастной дѣвушкѣ, по любви къ ней. Любовь эта, къ несчастью, перешла вскорѣ въ отвращеніе, вслѣдствіе *возмутительнаго*, по выраженію князя, недостатка жены. Князь сталъ тиранить жену, запираетъ ее; между ними происходили ужасныя сцены... Князь умеръ, а княгиня едѣлалась пьяницей! Она очень рѣдко стала выходить изъ дому, не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и постоянно почти потягивала: сначала ликеры, а потомъ и водку даже; она перестала, конечно, выѣзжать въ свѣтъ, прекратила всѣ приемы и замкнулась въ тѣсный кружокъ двухъ приживалокъ и прислуги; съ одной изъ приживалокъ она пьянствовала, а другая играла роль хозяйки.

Столь неестественный образъ жизни богатой княгини-генеральши, получившей притомъ хорошее образованіе, былъ послѣдствіемъ ея несчастной страсти къ воровству; эта болѣзнь отравила ея молодость, была причиной множества весьма чувствительныхъ оскорбленій и несчастной жизни съ мужемъ, и она старалась заглушить тягостныя воспоминанія, а можетъ быть по народной поговоркѣ и „коль коломъ выгонять“, то-есть kleptomaniю спиртоманіей, — постыднымъ пьянствомъ. Мнѣ навѣрно извѣстно, однако, что въ послѣднемъ она не нашла ни избавленія отъ первой, ни забвенія: пьяной даже, злополучная княгиня, иногда со слезами припоминала и рассказывала такія грустныя потрясающія сцены изъ ея давно прошедшей жизни, что и слушательницы ея невольно плакали!.. Далекое не всегда „вино веселитъ сердце человѣка“, „и забвеніе на днѣ стакана“. Въ особенности послѣдняя поговорка крайне несправедлива: я зналъ много лицъ, выпивающихъ иногда безъ перерыва цѣлыя десятки стакановъ и не находящихъ въ нихъ забвенія.

* * *

Въ то-же время мнѣ указывали, въ Одессѣ, на двухъ дочерей банкира иностраннаго происхожденія, чуть не до старости остававшихся дѣвицами и подъ попечительствомъ, вслѣдствіе того, что обѣ онѣ были kleptomанки. Куда-бы онѣ не выходили, ихъ всюду сопровождала, по требованію отца дѣвиць, его пожилая родственница, строго наблюдавшая за дѣйствіями дѣвиць и немедленно заставлявшая возвращать все, что онѣ похищали. Только благодаря этому неусыпному надзору и повиновенію дѣвиць упомянутой родственницѣ, сумѣвшей пріобрѣсти большое вліяніе на нихъ, онѣ оставались на свободѣ.

* * *

Въ Елисаветградѣ мнѣ указывали на двухъ хорошенькихъ дѣвиць, бывшихъ дочерьми очень зажиточнаго простолюдина и получившихъ порядочное образованіе. Благодаря послѣднему, хорошему приданому и наружнѣй привлекательности, за сестрами очень многіе ухаживали и обѣ онѣ вскорѣ, въ одно время, должны были выйти замужъ по любви, какъ говорили: одна за чиновника, другая за богатаго землевладѣльца. Дѣвицы были избало-

ваны и никогда не отказывали имъ въ удовлетвореніи ихъ желанія полакомиться или нарядиться: отецъ, мать и богатый покровитель послѣдней, о которомъ ходили слухи, что онъ былъ истиннымъ отцомъ упомянутыхъ дѣвицъ, предупреждали даже почти всѣ ихъ желанія и прихоти, но, несмотря на все это, клептоманія погубила обѣихъ несчастныхъ. Отправившись въ магазины дѣлать покупки для приготовленія приданого, сестры припрятали по штукѣ матерій; за ними давно уже слѣдили торговцы и приказчики, знавшіе объ ихъ маніи. Несчастныя невѣсты были уличены, судимы и пошланы въ тюрьму; по выходѣ ихъ изъ тюрьмы, оба жениха объявили, что жениться на нихъ, какъ на обезчещенныхъ, никто не захочетъ, хотя они-де, женихи, и любятъ все еще обѣихъ невѣстъ, но... *noblesse oblige!* Не трудно догадаться о результатахъ: дѣвицы стали матерями, а потемъ...

* * *

Лѣтъ 25 назадъ, въ Кіевѣ, жилъ общеуважаемый протоіерей Б., имѣвшій очень порядочное состояніе. У него было два сына, почти однихъ лѣтъ, получившихъ одинаковое воспитаніе, выросшихъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же личностей и условій, но, подобно библейскимъ близнецамъ, оказавшихся „весьма различныхъ свойствъ“: старшій сынъ пошелъ вполне по отцу: онъ занимаетъ, какъ кажется, и теперь проповѣдническую и учительскую кафедры, на которыхъ отличался его покойный отецъ; младшій-же сынъ Б*, хотя и обладалъ не меньшими способностями чѣмъ братъ, прекрасно окончившій курсъ духовной академіи, едва могъ дойти до *богословія*, да и то благодаря вліянію отца и его многократнымъ ходатайствамъ за сына, котораго много разъ хотѣли исключить за похищенія, совершаемыя имъ повсюду. Какія мѣры ни употреблялъ почтенный протоіерей, чтобы искоренить въ сынѣ, ужасавшую его, пагубную склонность, всѣ оказались недѣйствительными: сынъ исключенъ былъ *за воровство* съ тѣмъ, чтобы впредь не принимать ни въ какую семинарію. Видя, что это поразило его добраго отца, чувствуя, что его будущность непоправимо испорчена, юноша „въ зеленѣ винѣ“ искалъ утѣшенія и забвенія. Въ результатѣ получилась ссылка въ Сибирь на поселеніе, какъ рецидивиста, уже нѣсколько разъ прежде осужденнаго за кражи, на всю жизнь и съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія!.. Въ Сибири онъ и умеръ.

* * *

Въ Дерптѣ, въ 50-хъ годахъ, жила богатая баронесса, извѣстная всѣмъ согражданамъ, какъ *воровка*, ежедневно отправлявшаяся въ магазины и лавки, чтобы уворовать тамъ что-нибудь; воровала она иногда и на нѣсколько копѣекъ только, хотя будучи доброй женщиной, въ тотъ же день раздавала, случалось, много рублей бѣднымъ просителямъ и 2—3 семьямъ бѣдняковъ, которымъ постоянно помогала. Всѣ купцы, прикащики и прикащицы, въ каждомъ торговомъ заведеніи, гдѣ она бывала, постоянно внимательно слѣдили за нею и получали, сначала отъ ея мужа, а впоследствии отъ сына, плату за всѣ уворованные баронессой товары съ хорошимъ вознагражденіемъ за безпокойство. Иногда, впрочемъ, вмѣсто вознагражденія деньгами, возвращались похищенные предметы, какъ совершенно излишніе и ненужные похитившей ихъ представительницѣ гордаго стариннаго аристократическаго рода. Баронесса никогда не выходила одна, а всегда въ сопровожденіи прислуги или кого-нибудь изъ близкихъ ей людей изъ ея семьи, родственниковъ или же съ компаньонкой. Разказы объ этой баронессѣ я слышалъ отъ нѣсколькихъ людей, незнакомыхъ между собой, но никто изъ нихъ не могъ, съ увѣренностью, назвать ея фамилію, которая мнѣ поэтому и неизвѣстна.

* * *

Въ Минской губерніи, въ 70-хъ годахъ, жилъ одинъ богатый землевладѣлецъ Б*, питавшій удивительное пристрастіе къ портсигарамъ: онъ не упускалъ, съ самаго дѣтства, ни одного случая присвоить себѣ чужой портсигаръ, несмотря на цѣнность послѣдняго; какъ серебряный, позолоченный портсигаръ или порттабакъ такъ и обыкновенной, вполнѣ похожій на нѣсколько бывшихъ уже у него въ богатой его коллекціи всевозможныхъ портсигаровъ и порттабаковъ, — словомъ всякій, одинаково возбуждалъ въ немъ непреодолимое желаніе похитить его и приобщить къ своей коллекціи. Если кто-нибудь замѣчалъ слѣланное имъ похищеніе или, впоследствии, узнавалъ у Б* свой портсигаръ и заявлялъ объ этомъ похитителю, то послѣдній извинялся и возвращалъ похищенное владѣльцу, ничуть не претендуя за обличеніе.

* * *

Въ Кіевѣ, въ 50-хъ годахъ, былъ браунмейстеръ К*, имѣвшій нѣсколько домовъ и не жалѣвшій никакихъ расходовъ для доставленія его дѣтямъ возможно-лучшаго воспитанія и образованія, но послѣдніе (сынъ и дочь) съ дѣтства постоянно выказывали непреодолимую склонность къ воровству. К* былъ честный человѣкъ, очень любилъ своихъ дѣтей и клептоманія ихъ мучила его. Подобно Г*, онъ также совѣтовался со многими отечественными и иностранными психіатрами, для чего ѣздилъ въ Германію и во Францію, но никто не указалъ ему дѣйствительнаго средства для избавленія его дѣтей отъ странной болѣзни; всѣ испытанныя имъ средства оказались недѣйствительными. За дочью былъ постоянный неусыпный надзоръ, и благодаря этому, она избавилась по крайней мѣрѣ отъ тюрьмы и ссылки; но несчастный братъ ея, будучи студентомъ, уворовалъ часы у профессора Силина и, какъ дворянинъ, лишенъ былъ за то всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

* * *

Въ Виленской губерніи, въ 50-хъ годахъ, пользовался общей извѣстностью З*, бывший предводителемъ дворянства и считавшійся очень хорошимъ, добрымъ и благотворительнымъ человѣкомъ, но, несмотря на все это, не могшій устоять противъ искушенія уворовать табакерку. З* воровалъ всевозможныя табакерки, какія только попадались и возможно было взять незамѣтнымъ образомъ. У него образовалась громадная коллекція табакерокъ отъ золотой съ драгоценными камнями, съ эмалью, портретомъ и вообще очень художественной отдѣлки, до грубой берестяной, грошевой тавлинки, включительно. Если кто-нибудь требовалъ отъ него возврата похищенной имъ табакерки, то онъ возвращалъ ее или покупалъ. Случалось, что онъ, въ отвѣтъ на такое требованіе, подводилъ къ своей коллекціи и говорилъ: „Ну можете отыскать и взять свою; если я взялъ вашу, то она здѣсь“.

Г Л А В А IV.

Клептоманы петербургскіе:

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Пословица.

Въ Петербургѣ, въ концѣ 60-хъ годовъ, жилъ очень богатый гражданинъ, имѣвшій нѣсколько очень значительныхъ поимѣстій, Г—скій, происходившій изъ древней боярской фамиліи. У него клептоманія была того же рода, какъ и предыдущая, но выражалась гораздо оригинальнѣе: онъ бралъ на память о каждомъ обѣдѣ, завтракѣ или ужинѣ внѣ дома ложку, вилку или ножъ и, принеся уворованный предметъ домой, клалъ на собственно для того приготовленный, большой круглый столъ. Къ каждому уворованному предмету онъ привязывалъ ярлыкъ съ надписью, гдѣ, когда и у кого похищенъ тотъ предметъ. Ему и въ голову не приходило, что онъ нагромождаетъ такимъ образомъ массу неопровержимыхъ уликъ совершаемыхъ имъ *de jure* преступленій, а *de facto* доказательствъ его психической болѣзни, неполучившей, такъ сказать, юридической инвеституры, а потому, по мнѣнію многихъ, несуществующей. Столъ, съ уворованными и разрозненными частями столовыхъ приборовъ, Г—скій покрывалъ сукномъ. Не только многіе изъ его знакомыхъ, но и прислуга нѣкоторыхъ изъ нихъ знали объ его *скверной привычкѣ*, какъ нѣкоторые изъ нихъ называли болѣзнь Г—скаго, и случалось, что мажордомъ, эконома или лакей того дома, въ которомъ Г—скій совершилъ не задолго до того похищеніе, являлись къ нему и съ низкими поклонами заявляли ему, что онъ „изволилъ, по ошибкѣ“ захватить вотъ-такую-то вещь, за которую являющаяся личность должна очень чувствительно для нея полатиться изъ своего скуднаго жалованья, а потому она, то есть, вышеупомянутая личность, надѣется, что высокоуважаемый г. Г—скій возвратитъ упомянутую вещь и тѣмъ спасетъ просителя или просительницу отъ предстоящаго, въ противномъ слу-

чаѣ, очень тягостнаго штрафованія и несправедливаго, оскорбительнаго подозрѣнія. Г—скій, въ отвѣтъ на эту іереміаду, подводилъ упомянутую личность къ круглому столу, приподнималъ сукно и говорилъ: „ну возьми, что тутъ твое!“ Предложеніе немедленно выполнялось; за безпокойство, причиненное его похищеніемъ, Г—скій вознаграждалъ всегда въ такомъ случаѣ тѣхъ, на комъ лежала отвѣтственность за похищенный имъ предметъ и кто былъ на столько смѣлъ, что не побоялся предъявить къ нему оскорбительное требованіе. Что касается щекотливости возврата похищеннаго, то Г—скій, подобно многимъ другимъ клеptomанамъ, утѣшалъ и оправдывалъ себя подобно Оффенбаховской прекрасной Еленѣ: „Fatalité!“ Онъ ничуть не безпокоился тѣмъ, что его называли воромъ, что прислуга, униженно выпрашивавшая у него возврата похищеннаго, за глаза поносила его, конечно, и нѣкоторые знакомые, узнавая объ его маніи, начинали чуждаться его. Человѣкъ ко всему можетъ привыкнуть и нерѣдко то, что казалось человѣку „невыносимымъ“, „хуже смерти“, когда „стерпится — слюбится!“

* * *

Многіе рассказывали мнѣ въ Петербургѣ, что въ этомъ городѣ долго жили двѣ богатія княжны, получившія хорошее образованіе, но оставшіяся въ дѣвахъ, вслѣдствіе врожденной клеptomаніи. Онѣ не выходили безъ гувернантки, надзирательницы или компаньонки, которая обязана была возвращать похищаемыя княжнами вещи или же уплачивать за нихъ деньгами, данными для этого родителями сіятельныхъ похитительницъ. Онѣ, какъ и вообще клеptomанки, воровали только матеріи и разные предметы, служащіе для украшенія прекраснаго пола. Онѣ не были, говорятъ, корыстолюбивыми и относительно выбора для своего наряда всего подобнаго тому, что онѣ похищали, у нихъ и дома постоянно было единственное лишь затрудненіе, называемое французами „embarras des richesses“.

* * *

Въ Петербургѣ-же, въ 60-хъ годахъ, жилъ богатый и чиновный графъ, у котораго была страсть похищать табакерки, портсигары и порттабаки. У него были очень значительныя коллекціи всѣхъ этихъ предметовъ и были средства законнымъ путемъ, безъ риска, удесятерить эти коллекціи, сдѣлавши даже

весьма цѣнныя пріобрѣтенія для нихъ: археологическія и образцовъ этихъ предметовъ, употребляемыхъ въ настоящее время у всѣхъ народовъ земнаго шара, которые имѣютъ о нихъ понятіе. Но несчастный графъ не могъ довольствоваться законными пріобрѣтеніями, да и не имѣлъ къ нимъ особеннаго пристрастія, а потому онъ покупалъ ихъ изрѣдка и немного, хотя и не былъ скупымъ: гораздо больше удовольствія доставляло ему пріобрѣтеніе ихъ путемъ похищенія.

Совершалось-ли послѣднее безъ всякаго угрызенія совѣсти, безъ малѣйшихъ опасеній? Да, но почти всегда только лишь въ моментъ совершенія мнимаго преступленія: тогда побужденіе къ нему бываетъ у всякаго клептомана до того сильно, что заглушаетъ на время и всѣ другія чувства и голосъ разсудка. Графъ, когда отъ него требовали, охотно возвращалъ похищенный имъ предметъ, или-же уплачивалъ за него очень щедро; иногда онъ и самъ отсылалъ похищенную вещь или деньги за нее, что не избавляло его отъ многихъ чувствительныхъ непріятностей.

* * *

Въ аристократическомъ кругу Сѣверной Пальмиры, вращался нѣкоторое время, какъ нѣкоторые знакомые рассказывали мнѣ, отставной гусарскій поручикъ, принадлежавшій къ одной изъ самыхъ старинныхъ аристократическихъ русскихъ фамилій и обладавшій очень значительнымъ состояніемъ. У этого поручика была манія къ собиранію чубуковъ и папиросницъ, доходившая до того, что онъ не могъ устоять противъ искушенія стянуть чужую папиросницу, хотя-бы въ послѣдней не было, повидимому, ничего привлекательнаго и нѣсколько гораздо лучшихъ образчиковъ папиросницъ того-же рода было уже у него.

Поручикъ также безпрекословно возвращалъ по принадлежности похищенные имъ вещи, если владѣльцы заявляли желаніе получить взятые имъ *по разстѣянности* чубукъ или трубку или-же папиросницу, принадлежащія требовавшимъ. Говорятъ, что поручикъ, вслѣдствіе подобныхъ похищеній, имѣлъ много очень чувствительныхъ непріятностей, по причинѣ которыхъ долженъ былъ и въ отставку выйти и потерялъ значительную часть состоянія, выбиваясь изъ когтей Оемиды.

* * *

Петербургъ имѣлъ также генеральшу, подобную описанной мною въ предыдущей главѣ провинціальной превосходительной клептоманкѣ. Она не выходила никогда безъ компаньонки, которая должна была расплачиваться за похищенія ея патронессы, совершаемыя послѣднею въ магазинахъ, съ наивнымъ предположеніемъ, что даже цѣлую штуку шелковой матеріи и т. п. она можетъ похитить незамѣтнымъ для всѣхъ присутствовавшихъ образомъ. Она почти исключительно похищала матеріи, но не дѣлала изъ нихъ платьевъ, а скопляла ихъ у себя безъ всякой пользы и надобности, такъ какъ мужъ покупалъ ей разныхъ матерій болѣе, чѣмъ ей нужно было.

* * *

Въ 50-хъ годахъ, по словамъ нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ старожиловъ, очень многіе знавали въ Петербургѣ одну старушку баронессу, богатую и стариннаго рода, игравшаго нѣкогда видную историческую роль. Въ какомъ-бы магазинѣ не была почтенная старушка, она не могла утерпѣть, чтобы не утащить что-нибудь. Ее также кто-нибудь изъ родныхъ или приближенной прислуги, или-же компаньонкѣ постоянно и повсюду сопровождалъ и, въ случаѣ обнаруживанія воровства, миролюбиво улаживалъ возникшія непріятности, причемъ кунцамъ и приказчикамъ всегда твердили, что старая клептоманка женщина съ очень сильными, знатными и могущественными связями, а потому лучше не раздражать ее, чтобы и самимъ жестоко не заплатить. Такъ какъ похищавшееся баронессой всегда возвращалось владѣльцамъ кѣмъ-либо изъ близкихъ баронессѣ лицъ, то никто никогда и не преслѣдовалъ ее судомъ за многочисленныя похищенія, которыя она совершала.

* * *

Очень многіе и многократно, узнавши, что я занимаюсь изученіемъ клептоманіи, рассказывали мнѣ про весьма значительное количество и другихъ клептомановъ, но приводить эти рассказы, значило-бы повторяться и притомъ я не могъ быть убѣжденнымъ въ достовѣрности тѣхъ рассказовъ, а потому считалъ излишнимъ запесквать ихъ.

Представленныхъ мною примѣровъ вполне достаточно, чтобы убѣдить почти всякаго и недовѣрчиваго человѣка въ томъ, что воровство далеко не всегда бываетъ слѣдствіемъ нравственной испорченности или величайшей крайности и невозможности въ то-же время инымъ, лучшимъ путемъ достать хоть на хлѣбъ насущный для себя и своей семьи, а бываетъ иногда при отсутствіи этихъ необходимыхъ факторовъ истиннаго воровства, то-есть слѣдствіемъ неизслѣдованной еще болѣзни, упорно игнорируемой, несмотря на то, что существованіе ея извѣстно было еще въ древности.

* * *

Клептоманія чаще встрѣчается у людей, никогда не знавшихъ нужды и чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; я зналъ также двухъ дѣтей, жившихъ между людьми честными и происходившихъ отъ родителей, которыхъ не было основанія подозрѣвать въ нарушеніи VI-й заповѣди, и однако-же въ нихъ видно было непреодолимое стремленіе къ утайкѣ чужой собственности: все нравившееся имъ, что, по ихъ мнѣнію, они могли взять незамѣтно,—они брали, прятали и вскорѣ забывали о похищенномъ; когда у нихъ отбирали послѣднее, то они не выказывали при этомъ ни малѣйшаго сожалѣнія. Нерѣдко случалось, что, когда усердно розыскивали похищенные ими предметы, то похитившее дитя приносило розыскиваемую вещь, говоря: „Вотъ я нашель!“ Эти дѣти давно уже выросли, но въ продолженіи послѣднихъ 12—13 лѣтъ я ничего не слышалъ о нихъ.

Г Л А В А V.

Клептоманія у птицъ.

Общеизвѣстно, что врожденная склонность къ воровству нерѣдко встрѣчается у сорокъ. Всякій изъ образованныхъ людей знаетъ, что похищенія, совершавшіяся сороками, не разъ служили темами для драматическихъ произведеній, какъ, на примѣръ, опера „Сорока-воровка“.

Но, вѣроятно, немногимъ извѣстно, что клептоманія встрѣчается кромѣ сорокъ и у нѣкоторыхъ другихъ птицъ, напри- мѣръ, у галокъ, воронъ.

Нѣмецкія газеты 1884 г. сообщали, что когда въ Герветѣ, въ Нижней Баваріи, разобранъ былъ куполь колокольни, то крестьяне разрушили при этомъ множество находившихся тамъ галочьихъ гнѣздъ. Къ немалому удивленію своему, крестьяне нашли въ тѣхъ гнѣздахъ много различныхъ предметовъ, которые галки воровали въ теченіи многихъ лѣтъ. Главнымъ трофеемъ были серебряные часы съ цѣпочкой. Владѣлецъ ихъ, должно быть, подозрѣвалъ кого-нибудь изъ обуревавшихъ его лицъ въ похищеніи этихъ часовъ. Такимъ образомъ разъясняются теперь постепенно нѣкоторыя таинственныя явленія, къ числу которыхъ относилось исчезновеніе вещей: онѣ оставались на открытомъ воздухѣ, на балконахъ, на подоконникахъ открытых оконъ и вороватыя птицы, замѣтя блестящія вещи, снѣшили утащить ихъ въ свои гнѣзда.

Въ Петербургѣ, на Большой Охтѣ, у приказчика одного изъ лѣсоторговцевъ была прирученная ворона, у которой также была страсть къ похищенію всякаго рода блестящихъ предметовъ, ка- кіе только она въ состояніи была унести. Нѣсколько разъ открывали цѣлые склады пуговицъ, монетъ, ложекъ, спичечницъ, мундштуковъ и множество другихъ мелкихъ предметовъ, наворованныхъ этой вороной и спрятанныхъ ею преимущественно между дровами. Когда открывали подобный складъ, то ворона уносила ворованные ею предметы въ другое мѣсто. При этомъ не разъ замѣчено было, что она всегда старалась такъ уносить уворо- ванное, чтобы никто изъ людей не видѣлъ это, и продолжала воровать даже послѣ того, когда ее нѣсколько разъ побили весьма чувствительно за совершенныя ею похищенія.

Намъ случалось встрѣчать въ газетахъ и слышать о мно- гихъ другихъ подобныхъ птицахъ, любительницахъ блестящихъ предметовъ, собиравшихъ бесполезныя для нихъ коллекціи плохо лежавшихъ вещей.

Г Л А В А VI.

Злоупотребленіе именемъ клептоманіи.—Римскіе супруги, обманувшіе психіатра.

Къ несчастію, въ настоящее время очень много такихъ дурныхъ, развращенныхъ и плутоватыхъ людей, которые, любя ловить рыбу въ мутной водѣ, готовы извлекать личную пользу изъ всевозможныхъ житейскихъ невзгодъ человѣчества. А надо сознаться, что число этихъ невзгодъ возростаеъ въ ужасающей пропорціи: множество свирѣпетствующихъ въ настоящее время болѣзней было неизвѣстно нашимъ предкамъ. Ученѣйшій и искуснѣйшій изъ средневѣковыхъ врачей не могъ-бы насчитать и половины того числа болѣзней, которыя извѣстны въ настоящее время наиболѣе невѣжественнымъ изъ врачей. Ни одна наука не обогащается такъ быстро, какъ медицина, по это сомнительное богатство — слѣдствіе очень грустныхъ для человѣчества явленій. Оно напоминаетъ мнѣ мнимое богатство ново-греческаго языка, имѣющаго шесть различныхъ начертаній одного звука и (три гласныхъ и три дугласныхъ), нѣсколько словъ различныхъ корней для обозначенія названія штопора и мн. т. и.

Быть можетъ на это возразятъ, что съ появленіемъ новыхъ болѣзней медицина находитъ и описываетъ, публикуетъ для всеобщей пользы средства успешной борьбы съ ними. Увы! средства эти оказываются большей частью неэффективными для большинства индивидуумовъ, къ которымъ примѣняютъ ихъ; инымъ и помогаютъ, повидимому, но, вѣроятно, это все субъекты богатые вѣрою: увѣренность-же въ искусствѣ врача и польза прописываемыхъ имъ лекарствъ производитъ благотворныя перемѣны въ состояніи здоровья больного даже и въ томъ случаѣ, если ему прописана была очищенная вода (aqua distillata) съ какимъ-нибудь подцвѣченнымъ сиропомъ и ничего больше. Подобныхъ примѣровъ уже много констатировано, и врачи прибѣгаютъ къ такимъ псевдо-лекарствамъ, пока не убѣдятся, дѣйствительно-ли у ихъ кліентовъ тѣ болѣзни, которыя они предполагаютъ или какія-либо другія, имѣющія сходные симптомы.

Клептоманія принадлежить къ числу болѣзней, наиболѣе загадочныхъ, неопредѣленныхъ, неизвѣстныхъ. Въ послѣднее лишь время нѣкоторые психологи стали интересоваться ею. Этимъ обстоятельствомъ сѣумѣла воспользоваться супружеская чета въ Римѣ, для того, чтобы обобрать одного изъ наиболѣе знаменитыхъ и богатыхъ итальянскихъ докторовъ. Газеты за августъ и сентябрь 1891 года, рассказывающія объ интересной продѣлкѣ упомянутой четы, называютъ врача извѣстнымъ римскимъ психіатромъ, но не упоминають, къ сожалѣнію, объ его имени.

Итакъ, къ одному изъ извѣстныхъ психіатровъ Рима явился въ августѣ 1891 года очень элегантнй молодой человекъ и сообщилъ ему, что его молодая жена, всего лишь съ годъ назадъ повѣнчанная съ нимъ, страдаетъ упорной клептоманіей и въ этомъ состояніи совершаетъ покражи изъ магазиновъ и даже находясь въ гостяхъ, а по прошествіи нѣсколькихъ часовъ возвращаетъ краденое съ выраженіемъ раскаянія и отчаянія. Психіатръ просилъ у незнакомца позволенія наблюдать за столь необыкновенными проявленіями клептоманіи у себя дома и выразилъ надежду быть полезнымъ удивительной пациенткѣ. На другой день чета явилась, и психіатръ пораженъ былъ красотою и очаровательностію молодой дамы. Въ тѣ минуты, когда за нею не слѣдили, она успѣла похитить фотографію въ рамкѣ съ брилліантовой оправой, золотое пресспапье, а при прощаніи — граціозно вынула изъ кармана у очарованнаго ея наружностью доктора золотыя часы съ таковой-же цѣпочкой.

— Вы видите, какова моя бѣдная жена, съ выраженіемъ отчаянія проговорилъ бѣдный супругъ, — я пришлю вамъ это позже, а завтра мы опять явимся.

Само собою разумѣется, что психіатръ долго напрасно ожидалъ какъ присылки вещей, похищенныхъ у него прелестной мнимо-больной, такъ и появленія у него вторично интересной четы. Онъ понялъ, наконецъ, что сталъ жертвой ловко скомбинированнаго мошенничества и что являвшаяся къ нему красавица была вовсе не клептоманкой, а просто воровкой, въ родѣ практиковавшей въ Россіи „Соньки—золотой ручки“, Софіи Блювштейнъ, называвшейся и нѣсколькими другими именами, бывшей нѣсколько разъ замужемъ.

Обманъ, изложенный нами, не представляетъ, конечно, единичнаго явленія, и у плутоватаго римскаго пациента, столь искусно надувшаго знаменитаго психіатра, нашлись подражатели, позави-

довавшіе успѣху его продѣлки и варьировавшіе послѣднюю, злоупотребляя довѣрчивостью купцовъ, ювелировъ, банкировъ. Мы могли-бы привести еще нѣсколько подобныхъ продѣлокъ, но это принесло-бы, вѣроятно, больше вреда, чѣмъ пользы, а потому ограничимся однимъ, приведеннымъ уже.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Take things always by their smooth handle.

Jefferson, т. е.

Смотрите всегда и на все съ лучшей точки зрѣнія.
Джефферсонъ.

Найдутся, безъ сомнѣнія, такіе пессимисты, которые слишкомъ односторонне судя о вредѣ, могущемъ произойти отъ признанія, такъ сказать, правъ гражданства клептоманія, будутъ осыпать меня насмѣшками и упреками, вслѣдствіе моего непрощеннаго ходатайства за несчастныхъ клептомановъ. Нельзя отрицать, что наши суды и теперь, большею частью, очень снисходительны къ похитителямъ, большинство которыхъ оправдывается или подвергается незначительнымъ наказаніямъ. Но, во-первыхъ, всякое, даже самое легкое уголовное наказаніе за похищеніе, совершенное клептоманомъ, было-бы несправедливою жестокостью въ отношеніи послѣдняго; во-вторыхъ, такъ какъ большинство клептомановъ изъ привилегированныхъ сословій, то наказанія за похищенія, совершаемыя ими, по закону гораздо строже, чѣмъ за похищенія, сдѣланныя лицами другихъ сословій и на несчастнаго клептомана, за невольный поступокъ, ложится клеймо вѣчнаго позора: лишеніе правъ состоянія, то-есть наказываются и всѣ потомки его, которые будутъ рождаться послѣ осужденія ихъ предка—клептомана.

Очень можетъ быть, что когда клептоманія займетъ принадлежащее ей по праву рожденія мѣсто въ республикѣ человѣческихъ болѣзней и слабостей, то, благодаря этой новой гражданственности, будутъ оправданы нѣкоторые заурядные воры и плуты, защитники которыхъ изъ корыстолюбія краснорѣчиво-софистиче-

скими рѣчами съумѣютъ обѣлить своихъ порочныхъ кліентовъ, выставить ихъ невинными жертвами злокозненной клеptomаніи; но если будетъ спасено хоть половинное число дѣйствительныхъ клеptomановъ отъ несправедливаго осужденія, то и въ такомъ случаѣ мои старанія добиться облегченія участи этихъ несчастныхъ и поданія имъ надлежащей помощи въ борьбѣ съ невидимымъ и непризнаваемымъ, но все-таки сильнымъ врагомъ, — заслуживаютъ не осужденія и насмѣшки, а сочувствія и содѣйствія всѣхъ истинно-порядочныхъ и гуманныхъ людей.

Право, чрезвычайно странно, что когда многіе историческіе, археологическіе, нумизматическіе и разные другіе вопросы разработаны на столько, что изслѣдованія о какихъ-нибудь руническихъ письменахъ или кунахъ могутъ составить цѣлая бібліотека, вопросъ психіатрической, близкій людямъ по существу, будучи извѣстенъ цѣлая тысячелѣтія и продолжая *de facto* заявлять о своемъ существованіи, игнорировался *de jure* и даже самими психіатрами!

Когда психіатрія обратитъ надлежащее вниманіе на проявленія этой болѣзни, изслѣдуетъ вкратцѣ очерченныя мною въ первой главѣ признаки клеptomаніи и добьется того, что клеptomанія займетъ принадлежащее ей мѣсто въ ряду психическихъ болѣзней и *de jure*, какъ занимаетъ его въ настоящее время *incognito*, то какъ много родныхъ и друзей несчастныхъ клеptomановъ почувствуютъ большое облегченіе! Пока клеptomанія не признана болѣзнию ни юриспруденціей, ни медициной, и даже игнорируется авторитетными писателями по психіатрія, похищенія, совершаемыя клеptomанами, ложатся тяжкимъ незаслуженнымъ позоромъ и на близкихъ имъ людей, какъ родственниковъ или друзей вора. Какъ жалко человѣчество, вызывавшее безчисленное множество восторженныхъ возвеличиваній и слишкомъ преувеличенныхъ восхваленій! Причину этихъ диамантовъ, по моему убѣжденію, прекрасно разъяснилъ дѣдушка Крыловъ въ одной изъ своихъ басенъ:

«Нерѣдко мы (хотя того не примѣчаемъ)
Себя въ другихъ охотно величаемъ.»

Человѣчество прожило уже цѣлая сотни тысячелѣтій, но до сихъ поръ не обратило надлежащаго вниманія на изрѣченіе одного изъ семи греческихъ мудрецовъ, Хилона Лакедемонскаго: „Γνωθὶ σεαυτὸν“, то-есть познай самого себя, хотя это мудрое изрѣченіе, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ, было начертано

громкими позолоченными буквами на портикѣ храма, посвященнаго Аѳинѣ или Минервѣ.

Важнѣйшія науки психологія и антропологія слишкомъ далеки отъ совершенства, не удостоены надлежащаго вниманія, игнорированы множествомъ ученыхъ, посвятившихъ жизнь свою разработкѣ далеко не столь важныхъ отраслей знанія и посвятившихъ ее притомъ далеко не всегда по призванію, а иногда вслѣдствіе роковой случайности, и недостаточной подготовки въ училищахъ всякаго рода къ пониманію громадности пользы и интереса спеціальнаго изученія упомянутыхъ мною наукъ, которыя должны-бы стоять на первомъ планѣ преподаванія, а отбрасываются на послѣдній или даже совершенно исключаются изъ курса, обремененнаго классическимъ балластомъ и т. п.

Настоящій трудъ мой не можетъ быть удовлетворительнымъ настолько, какъ мнѣ желательно и возможно было-бы лишь при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Я самъ сознаю, что онъ слишкомъ далекъ отъ научной систематичности, опредѣленности; онъ недостаточно послѣдственъ и заключаетъ въ себѣ кое-какія повторенія и недомолвки, но, несмотря на все это, онъ можетъ быть очень полезенъ, если обратитъ вниманіе спеціалистовъ и людей вліятельныхъ на несчастныхъ kleptomановъ, а также оградитъ множество родныхъ и друзей этихъ психически-больныхъ отъ грустныхъ послѣдствій одного изъ многочисленныхъ предубѣжденій жалкаго человѣчества, то-есть мнѣнія, что порочность или преступность кого-либо изъ членовъ семьи мараетъ фамильную честь и другого не менѣе нелѣпаго, провозглашающаго: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ и я скажу, кто ты“. Во-первыхъ, справедливо говорить поговорка: „въ семьѣ не безъ уroda“ и кому притомъ неизвѣстно, что у очень дурныхъ родителей бывали хорошія дѣти, а равно и отъ прекрасныхъ родителей бывали дѣти съ очень грустными и пагубными наклонностями; во-вторыхъ, будучи человѣкомъ самыхъ строгихъ правилъ и безукоризненной репутаціи, можно познакомиться у кого-нибудь изъ поменѣ нравственныхъ, но слишкомъ добродушныхъ знакомыхъ, съ людьми совершенно иного рода, противоположныхъ убѣжденій и съ предурной репутаціей. Въ настоящее время, когда гораздо болѣе прекрасныхъ актеровъ разыгрываютъ всевозможныя роли на сценѣ дѣйствительной жизни, чѣмъ на театральныхъ подмосткахъ, извѣстное изрѣченіе Ивана Андреевича:

«Наружность иногда обманчивой бываетъ:

Иной какъ звѣрь, а добръ, тотъ ласковъ, а кусаетъ».

можно, къ сожалѣнію, сдѣлать болѣе справедливымъ, замѣнивши слово иногда выраженіемъ „почти всегда“. Мало кому это неизвѣстно, но все-таки у насъ часто по платью не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ, съ перваго взгляда нерѣдко составляютъ себѣ мнѣніе о людяхъ и если это мнѣніе неблагопріятно, то почти невозможно заставить человека отказаться отъ него. Если оно благопріятно, то дѣло другого рода: нерѣдко одна бессознательная, нелѣпая клевета можетъ измѣнить его; какъ-бы въ вознагражденіе за излишнюю снисходительность къ себѣ самимъ, мы, большею частью, очень строго относимся къ недостаткамъ и промахамъ другихъ. Обжогшись на молоко, мы, русскіе, постоянно начинаемъ дуть и на холодную воду, впродолженіи нѣкотораго времени, по прошествіи котораго снова готовы хлебнуть кипяточку.

Все это я высказалъ потому, что нѣсколько близорукихъ людей, считающихся неглупыми, узнавши о томъ, что я чрезвычайно интересуюсь всѣмъ, относящимся къ клептоманіи, совѣтовали мнѣ оставить эту мниме-вредную науку во мракѣ забвенія: „Помилуйте! говорили они: у насъ еще больше разовьется воровство, если станутъ оправдывать его врожденной склонностью; повсемѣстныя частыя хищенія и безъ того подорвали благосостояніе и кредитъ, а если они усилятся,—тогда хоть волкомъ вой!“ Тщетно доказывалъ я большинству этихъ знакомыхъ, что если будетъ принятъ мой проектъ, то воровства не увеличатся, а уменьшатся. Сущность же этого проекта заключается въ слѣдующемъ: оставлять безъ наказанія воровство не слѣдуетъ даже, если оно совершено и вслѣдствіе болѣзни; но необходимо быть крайне осторожнымъ при постановленіи о предварительномъ заключеніи до точнаго изслѣдованія дѣла и если изъ предварительнаго дознанія выяснятся обстоятельства, заставляющія предполагать, что похищеніе совершено вслѣдствіе клептоманіи, то должно личность, совершившую похищеніе, отдать кому-нибудь на поруки или же гораздо лучше, если можно, ввѣрить ее надзору спеціалиста-психіатра, буде таковой найдется въ мѣстахъ не отдаленныхъ.

Страдающихъ клептоманіей, въ случаѣ доказанности существованія у нихъ этой болѣзни, если притомъ они сами добро-

вольно не возвращают похищенное ими, слѣдуетъ подвергать заключенію не въ тюрьмы, а въ больницы для душевно-больныхъ, хотя, конечно, несовмѣстно съ больными другаго рода маніями. Слѣдовало бы основать нѣсколько специальныхъ больницъ для людей, страдающихъ какой-либо однородной мономаніей, то есть особыя больницы для клептомановъ, особыя для спиртомановъ, то есть пьющихъ запоемъ и т. п. Тогда врачи, которымъ поручены будутъ больные мономаны, легче и лучше смогутъ специализироваться, что очень важно при весьма жалкомъ состояніи современной психіатріи, которая вообще чрезвычайно мало и неудовлетворительно разработана, несмотря на большое количество сочиненій, написанныхъ съ цѣлью разрѣшенія нѣкоторыхъ изъ безчисленныхъ вопросовъ, задаваемыхъ этою важнейшею для человѣчества наукой. Не можетъ быть сомнѣнія, что достаточно подготовившихся специалистовъ психіатровъ не хватило бы на очень ограниченное число подобныхъ больницъ, но ввиду важности для человѣчества вообще правильнаго разрѣшенія вопросовъ о томъ, излечима ли клептоманія, вслѣдствіе чего она появляется и кто изъ судящихся за воровство долженъ быть признаваемъ клептоманомъ, надѣюсь, что достаточное число медиковъ съ любовью принялось бы за разрѣшеніе этихъ и проистекающихъ изъ нихъ вопросовъ, если бы они знали, что смогутъ принести этимъ значительную пользу, то есть въ случаѣ открытія больницъ для клептомановъ.

Очень можетъ быть, что, въ случаѣ признанія обыкновеннаго вора больнымъ клептоманіей, судъ иногда введенъ будетъ въ заблужденіе тѣмъ, что защитникъ, свидѣтели и эксперты будутъ подкуплены преступникомъ, не больнымъ клептоманіей, а только старающимся выдать себя за такового, чтобы облегчить свою участь, но такимъ образомъ очень немногимъ изъ виновныхъ въ кражѣ удалось бы избѣжать заслуженнаго ими наказанія, а гораздо болѣе истинно-больныхъ спасено было бы отъ окончательнаго развращенія, и отъ погибали, неминуемыхъ у насъ при современныхъ системахъ содержанія осужденныхъ и пересылки ихъ.

Вслѣдствіе существованія клептоманіи, необходимо быть очень осторожными даже и при обвиненіи въ кражѣ, такъ какъ легко можно ошибаться и погубить маніака, который быть можетъ прекрасный человѣкъ, несмотря на его очень неблагоприятную страсть. Такъ какъ склонность къ клептоманіи бываетъ, большею частью, а можетъ быть даже и всегда, врожденной, то едва ли не слишкомъ

строгий и безпристрастный человек может не согласиться съ тѣмъ, что очень несправедливо строго осуждать человека за то, что онъ подчиняется такой непреодолимой для него склонности или, лучше сказать, врожденной страсти. Говоря *непреодолимой*, я вовсе не хочу сказать этимъ, что будто бы считаю kleптоманію непреодолимой въ полномъ смыслѣ слова, а только въ томъ, что личныя усилія, *неумлыя* содѣйствія близкихъ къ больному людей и нерѣдко замѣчательныя въ другихъ отношеніяхъ сила воли и самообладаніе больного — оказываются недостаточными для избавленія послѣдняго отъ стремленія завладѣть чужой собственностью.

Судебные слѣдователи и эксперты по дѣламъ о воровствѣ прежде всего не должны упускать изъ виду главнаго отличія kleптоманіи отъ профессиональныхъ кражъ, а именно: воровства совершаются kleптоманами экспромтомъ, такъ сказать, почти безсознательно, машинально, а слѣдовательно, безъ злоумышленія и безъ всякаго предварительно составленнаго плана похищенія.

Kлептоманы никогда не прибѣгаютъ ко взлому для совершенія кражи, но я нахожу необходимымъ оговорить это замѣчаніе, такъ какъ нѣкоторые юристы считаютъ равносильнымъ взлому отпираніе чужихъ замковъ, ключи которыхъ находились въ самыхъ замкахъ, развязываніе пнурка, которымъ похищенный предметъ связанъ былъ вмѣстѣ съ другими и т. п., а мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ похищенія kleптоманами, несмотря на эти слишкомъ легко устранимыя препятствія. По моему мнѣнію, очень большая разница въ томъ, отперть ли замокъ для похищенія изъ-подъ него, бывшимъ въ немъ ключемъ, или найденнымъ вблизи, или случайно подобраннымъ ключемъ kleптомана, или же воръ принесъ связку ключей, чтобы подобрать изъ нихъ, отпереть отмычкой и т. п.: для подбирания изъ массы принесенныхъ для этого ключей или отмычкой нужны болѣе или менѣе обдуманная подготовленія, необходимо заранѣе обдуманное намѣреніе, чего въ дѣйствіяхъ kleптомановъ не бываетъ: они дѣйствуютъ подобно нѣкоторымъ лунатикамъ, дѣлающимъ иногда ночью то, что имъ слѣдовало бы сдѣлать въ продолженіи слѣдующаго дня и удивляющихся нерѣдко тому, какъ, когда и кѣмъ сдѣланы были ихъ работы.

Kлептоманы сознаютъ, большею частью, крайнюю неблаговидность господствующей надъ ними страсти и желали бы не совершать похищеній; но въ отношеніи ихъ часто оправдывается

поговорка: „И рада бы душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ!“ Сила воли оказывается недостаточной для одержанія побѣды надъ господствующей страстью и послѣ долгой тяжелой борьбы, они подчиняются этой страсти, дѣйствуя уже почти машинально.

У большинства клептомановъ страсть къ воровству впервые проявляется въ дѣтствѣ, но случается что, подобно нѣкоторымъ наследственнымъ болѣзнямъ, она сказывается въ первый разъ и у людей, прожившихъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Одно изъ существеннѣйшихъ отличій похищенія совершеннаго клептоманомъ отъ воровства съ корыстной цѣлью составляетъ то обстоятельство, что клептоманы не принимаютъ предосторожностей и какихъ бы то ни было мѣръ противъ опасности быть уличенными въ воровствѣ: многіе изъ нихъ у себя на квартирѣ или въ своемъ домѣ, на видныхъ мѣстахъ, нагромождали улики и вещественныя доказательства сдѣланныхъ ими похищеній, чего не сдѣлаетъ ни одинъ заправскій воръ, всегда старающійся спрятать концы, какъ говорится, заботящійся о мнимомъ alibi, о продажѣ уворованнаго чрезъ надежнаго посредника, и т. п.

* * *

Древнее изрѣченіе „Mens sana—in corpore sano“ то есть разумныя мысли вообще бываютъ только у здоровыхъ людей—одинъ изъ основательнѣйшихъ афоризмовъ, хотя его нельзя назвать аксіомой, потому что онъ далеко не всегда оправдывается житейскимъ опытомъ: почти всѣ клептоманы, какъ и вообще, впрочемъ, психически больные люди,—слабы духомъ и тѣломъ. Мнѣ не случалось слышать даже, что кто-либо изъ клептомановъ, о которыхъ мнѣ рассказывали, хоть бы казался только здоровымъ человѣкомъ: всѣ они имѣли болѣе или менѣе болѣзненный видъ.

Вспомнивши признанія Висконти и Богро, о которыхъ я упоминалъ раньше, всякій легко пойметъ, что это очень естественно и почти неизбежно; почти, говорю я, потому, что въ человѣкѣ, въ особенности, много встрѣчается всевозможныхъ аномалій.

